

ЛАНА
БАРСУКОВА

ДОЛЕВАЯ НИТЬ

Лана Барсукова

Долевая нить

«Автор»

2026

Барсукова Л.

Долевая нить / Л. Барсукова — «Автор», 2026

ДОЛЕВАЯ НИТЬ 1990-е годы Москва. Крупный деловой успех ожидает Михаила Одинокова, бывшего советского функционера. Но неожиданно все рушится, и виной тому оказывается платье его супруги, сшитое молодой портнихой Таей. Наши дни Провинциальный Мухарпенск. В местную больницу попадает заезжая знаменитость, кинопродюсер Юлия Одинокова. Хирург Муранов спасает ее, не подозревая о последствиях. Вскоре его жена, театральная художница по костюмам, получает заманчивое предложение. Нитка в руках портнихи Таи сшивает эти истории в единое целое. События связаны потайными стежками, которые ни распороть, ни разорвать. Муранов сшивает жизни. Тая кроит судьбы. Каждый знает: главное – не идти наперекор долевым нитям. Своей. Чужой. Небесной.

© Барсукова Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Барсукова

Долевая нить

Оглавление

Часть 1. Больничная сага

Невиноватая шаурма
Операция
Палата
Муранов
Обход
Швах
Больничный коридор
Чай в ординаторской
Договор

Часть 2. Роковое платье

Семья Одинокowych
Новое платье
Дождь
Фиаско
Ложь

Часть 3. Понаехавшие

Саша
Тая

Часть 4. Искушение

Заочное знакомство
Театр
Спектакль
Влад
Повторный визит
Телефонные разговоры
Дорога

Часть 5. Трудовичка

Возвращение
Признание
Гера
Новая жизнь
Нелечка
Второе рождение
Урок истории
Урок литературы

Часть 6. Москва златоглавая

Задание
Превращение

В кафе
Встреча
Зоя
На съемках
В музей!
Встреча
Последняя неделя августа
Теплая ночь
Красное платье

Часть 7. Свой поезд

Ночной звонок
Пакеты
Удар под дых
Холостой выстрел

Эпилог

ЧАСТЬ 1

БОЛЬНИЧНАЯ САГА

Невиноватая шаурма

В перерывах между приступами боли, опоясывающей тело огненным бичом, Юля хватала ртом воздух и продолжала думать одну и ту же навязчивую мысль: «Как же меня угораздило? А вдруг я умру в этой дыре?» Она, красивая, богатая, знаменитая бизнес-леди, словно провалилась в чужую жизнь, где ей не место.

Все началось с безумной идеи прошвырнуться по российской глубинке. Если речь шла о бодрящем веселье, разрывающем серую ткань будней, то за него отвечал Никита. Актер по профессии, он всецело зависел от Юли, играющей в кинопроизводстве не последнюю роль. Совсем не последнюю.

Когда скука и усталость поднимались выше критической отметки, Юля чувствовала потребность побыть шальной императрицей. Для этого прекрасно подходил Никита, чье мускулистое тело и авантюрные идеи Юля иногда брала напрокат. На этот раз он придумал вояж в эту дыру, обещая феерию ярких эмоций. «Убью уroda!» – думала Юля, сжимая зубы перед натиском очередного болевого штурма.

С вечера ничто не предвещало такого драматического исхода. Провинциальное лето доверчиво раскрывало перед ними свои объятья. Ветерок разгонял духоту и словно ластился к столичным гостям, деликатным дуновением извиняясь за убогость ландшафтного дизайна и скромность архитектурного замысла.

Им было весело шататься по городку и оттачивать шутки по поводу его отставания от Москвы. Дыру в дороге с обрушившимся асфальтом и рваными краями, похожую на пасть подземного монстра, Никита назвал началом строительства местного метро. Шутка зашла на отлично, чему способствовали две бутылки игристого, выпитые из бумажных стаканчиков. Никита продумывал все до мелочей. Он решительно забраковал тонкие фужеры, которые могли ослабить эффект, снизить остроту шутовского драйва. Кураж подстегивался тем, что дорогое шампанское, ценой перекрывающее бюджет поселкового совета, разливали в плебейские стаканчики и заедали шаурмой из ларька, завернутой в промасленную бумагу.

Никита старался не только ради Юли. По старой привычке, ставшей второй натурой, он никогда не забывал о себе, не упускал из виду собственные интересы. Эта поездка замышля-

лась и как развлечение для сумасбродной Юли, и как полезный тур для него самого, почти командировка. В скором времени Никите предстояло сыграть героя, барахтающегося на дне жизни в окружении пластмассовых вилок и вонючих дошираков. Никита предпочитал погрузиться в материал, почувствовать кончиками пальцев жизненную ткань своего персонажа. Поездка отлично подходила для полевых заметок и актерских этюдов о жизни провинциальных нищелюбодов. Никита впитывал местный колорит, надеясь впечатлить режиссера точным попаданием в образ.

Юля не особо вдавалась в эти детали, ей было просто весело. Она приседала от смеха, когда Никита приставал к случайным прохожим с вопросом, где тут можно найти звезду Мишлена. Шутка юмора заключалась в том, что наивные люди при упоминании звезды автоматически поднимали глаза к небу, не понимая, что главные звезды живут совсем в другом месте, на табличках дорогих ресторанов. Словом, все складывалось неплохо, даже отлично. Пока не пришла ночь.

Ночью Юля проснулась. Внутри было нехорошо. Сначала Юля грешила на шаурму, но боль, гнездившаяся где-то в животе, нарастала с такой чудовищной силой, что вряд ли маленький кусочек, который она с отвращением проглотила, мог так безжалостно располосовать ее нутро.

Корчась от боли и тошноты, Юля почти с ненавистью оглядела смазанный полумраком гостиничный номер. Шторы с ламбрекенами, обшитыми нелепой бахромой, обои с позолотой, завернутой в причудливые вензеля, весь этот примитивный люкс вызывал гадливое отвращение. И даже посапывающий рядом Никита с внешностью восходящей российской звезды-одногодки не мог облагородить эту припудренную второсортность.

Долго разглядывать интерьер не пришлось. Организм отчаянно ломало изнутри, словно там поселился коварный гном, стремительно превращающийся в великана с раскаленным хлыстом в руках. От боли нутро скручивалось и выворачивалось наизнанку. Нарастающая тошнота требовала выхода. Началась безудержная рвота. Юля обильно блевала, держась за живот, где был эпицентр боли. Сил дойти до туалета не было. Свесившись с кровати, она судорожно изрыгала свое внутреннее содержание и, казалось, отдавала Богу душу. Руками она хваталась за живот, а мыслями за проклятия в адрес того, кто выманил ее из Москвы в этот убогий Мухарпенск. В Москве с ней ничего подобного не могло произойти по определению. Москва ее любит, облизывает, лелеет, потому что знает ей цену.

И как этому уроду удалось ее уговорить? Никита обладал красноречием, в этом ему не откажешь. «Уходящая натура, – говорил он, – островок прошлого века, настоящая глубинка без прикрас и иллюзий. Гарантирую отложенный эффект: ты начнешь ценить цивилизацию. Нужно почувствовать этот вайб, эту затхлость безвременья. У уродства тоже есть свой шарм».

Вайб опоздал, шарм где-то заблудился. Их опередил новый приступ боли. Юля завывала, вплетая в вой матерные слова в адрес Никиты. «Урод! Скотина последняя! Какого черта мы поперлись в эту гребанную дыру?» От этих ласковых слов он проснулся.

Нужно отдать ему должное. Почувствовав неладное, Никита мухой метнулся в ванную и вынес оттуда гору полотенец, сложенных наподобие башенки. Это был тот самый случай, когда отель пытался количеством компенсировать их весьма посредственное качество.

Никита суетливо крутился рядом и пытался полотенцами прикрыть блевотину, растекающуюся по полу. Действовал он исключительно ногами, как полотер. Одновременно он дрожащими пальцами набирал номер скорой помощи, преодолевая скользкий страх, что в этой дыре государство не оказывает населению такую услугу. Он кидал все новые и новые пласты махровых промокашек и отчаянно кричал в трубку: «Скорее! Да не знаю я! Хрен тут разберешь, что с ней». На том конце пытались задавать какие-то вопросы, но вместо ответа он наращивал обороты истеричных требований: «Быстрее! Сколько можно ждать? В этом говно-городе вообще работает скорая?»

Юля почти с ненавистью посмотрела на Никиту. И дело даже не в том, что он тоже ел эту проклятую шаурму и ему хоть бы что. Раздражала его красота. Даже паника, плескавшаяся в его глазах, и сморщенный от брезгливости нос не могли перечеркнуть его неоспоримую внешнюю привлекательность. Высокий лоб, явно выраженная скуластость, крупные губы и слегка обозначенная ямочка на подбородке сложились в том уникальном сочетании, когда природа попадает в яблочко. Архитектура лица предопределила судьбу. Лицо просилось на всеобщее обозрение. И попало туда. Никита стал артистом. Правда, пока стоящим в очереди за славой. А значит, он сильно зависел от таких, как Юля. Ведь именно она, будучи известным продюсером, нарезала славу крупными ломтями, отчего всегда была окружена страждущими. Впрочем, большинству доставались мелкие дольки или вовсе крошки с ее разделочной доски.

В очередном приступе Юля метко блевнула на ногу Никиты, будто отомстила ему и за шаурму, и за красоту, и за креативность, заведшую их в эту дыру. «Твою ж мать!» – взвыл артист и попрыгал на одной ноге в ванную. Почему-то он опасался наступать на обгаженную ногу.

Боль нарастала, часы тикали, Никита орал по телефону – и так по кругу. Мучительная закольцованность длилась, казалось, бесконечно. Юля почти поверила, что умирает. И почему-то знала, что попадет в ад.

И когда резь в животе стала совсем нестерпимой, заставляя Юлю унизительно скулить на глазах ошалевшего спутника, раздался требовательный стук в дверь.

– Скорая, – просял Никита и кинулся открывать дверь их люкса.

Быстро, но без излишней суеты в номер вошли двое. Щуплый мужчина и женщина грендерского сложения, оба в синих униформах. Мужчина нес чемоданчик, а женщина шла налегке.

– Наконец-то, – голос Никиты дрожал от радости, смешанной с праведным гневом. – Сколько можно вас ждать? Пешком шли? По звездам сверялись?

– Цыц! – коротко скомандовала женщина, и Никита осекся. От нее исходило суровое право повелевать. – Давно началось это безобразие?

– Ночью, – пропищала Юля.

Властность женщины словно перекрыла поток рвоты. Юля получила краткую передышку и, обессиленная, откинулась на подушку.

– Что ела? – спросила женщина и, не дожидаясь ответа, присела на край кровати, сдвинув ногой гору грязных полотенец.

Довольно бесцеремонно она начала мять Юлин живот. Даже в своем жалком состоянии Юлю передернуло от того, что к ней обратились на ты. И что врачаха не помыла руки.

– Шаурму, – с вызовом ответила она. – Мы же не знали, что в вашем городе это смертельный номер...

Вынести приговор Мухарпенску она не успела. Врачиха надавила на живот так метко, что Юля заорала от резкой боли.

– Ясно. Шаурма не виновата, – вынесла та оправдательный вердикт.

На этом диагностика закончилась. Врачиха пошла мыть руки, отдавая приказание по ходу.

– Быстро собираемся. Паспорт есть? Срочная госпитализация. Звони, – крикнула она мужчине.

– Что со мной? – Юля не намерена была сдаваться без боя. Ее глубоко оскорбило, что врачаха мыла руки не до, а после контакта с ней. – Может, просто дадите адсорбент? Мне бы только до Москвы добраться... Я категорически не хочу тут оставаться.

– До Москвы ты сейчас далеко, а до смерти четыре шага, – без тени юмора напела врачаха.

Это было уж слишком. Петь в такой ситуации было верхом бестактности. Юля хотела поставить на место зарвавшуюся врачиху, которую жизнь уже наказала, заставив носить безвкусную синюю униформу, и она даже придала лицу выражение соболезнующего превосходства, но в этот миг боль хлестанула ее с такой силой, что она вскрикнула и схватилась за живот.

– Чего стоишь? – гаркнула женщина-гренадер, обращаясь к Никите. – Бери, неси, бегом!

Никита приблизился к кровати и участливо спросил:

– Юль, идти сможешь? Обопрись на меня...

Юля снова закричала.

– Уйди, полуфабрикат хренов! – Мужчина в синей униформе бесцеремонно оттолкнул Никиту. – Давай, держись за шею, молодая. Не бойсь, не уроню. А уроню, так подберу, быстро поднятое не считается упавшим. – Обмотав Юлю простыней, он сгреб ее как котенка.

Потащил к выходу, где слегка замешкался, видя, что выносит ногами вперед. Так выносили покойников. Но разворачиваться было неудобно и некогда. Так и вынес, на всякий случай сплюнув через левое плечо.

А сзади торопливо шла врачиха и командовала по телефону:

– Кто там сегодня? Муранов? Пусть дождется. Похоже, гнойный перитонит... Ты у меня спрашиваешь? У меня в пальцах УЗИ нет... Все, везем. Доехать бы без приключений, а то сюда ехали, в яму колесом ухнули...

Никита плелся сзади. Он не знал, что ему делать. Хорошо, что врачиха обернулась и дала команду:

– Паспорт возьми!

– Чей? – решил уточнить Никита.

– Ее, – и добавила: – Свой тоже можешь показать.

– Зачем?

– Хочу фамилию, имя, отчество запомнить...

Никита приосанился. Он привык нравиться женщинам. И даже это создание в синей униформе хоть и отдаленно, но напоминало женщину.

– ...чтобы потом в районном чате объявление дать. «В городе орудует малахольный кра-савчик. Девки! Проходите мимо!»

И она устало засмеялась, наблюдая с высоты гренадерского роста за тем, как улыбка сползает с бледного лица Никиты.

Операция

Дальнейшее Юля видела как сквозь закопченное стекло. Все было смазано, серо, мутно. Ей что-то вкололи, боль немного утихла, на ее место заступило ватное равнодушие. Вокруг сновали люди в белых халатах, бросали друг другу какие-то слова, вслушиваться в которые и тем более понимать их смысл Юля совершенно не хотела. На это не было ни малейших сил. Если бы ей сейчас сказали, что ее разберут на органы, она бы не дернулась. Хоть какой-то конец.

А люди, похоже, знали свое дело. И у них, в отличие от Юли, были воля и желание действовать. Юлю раздевали, перегружали на каталку, куда-то везли, дырявили вены, брали кровь, вливали содержимое неведомых ампул, лили на живот сопливый гель, катали по нему прибором, напоминающим джойстик от компьютерных игр, говорили непонятные слова, опять что-то кололи... Остатками сознания Юля улавливала, что все вокруг бурлит человеческой энергией, что все спешат и волнуются и только она лежит в полной беспомощности и ничем не может помочь этим людям спасти себя.

Последнее, что она отчетливо услышала, было:

– В рубашке родилась. Чудо, что Порфирий на месте. А ведь должен был на рыбалку уехать с женой Татьяны Ивановны.

Юля поняла, что ей хана. В этой дыре оперировать будет какой-то Порфирий, что вполне соответствует вайбу этого городка. За именем тянулся образ старообрядца, отшельника, ну или на худой конец браконьера. Вот и рыбалка в масть ложится. Ее, эмблему Патриков и украшение Рублевки, зарежет дремучий Порфирий, что немного смешно и очень грустно. Как будто судьба не просто боднула прежнюю любимицу, а сделала это с особым цинизмом. «Я не хочу Порфирия! Капец!!» – беззвучно закричала Юля. Но после всех манипуляций голос не повиновался ей. Она только шипела, как кошка, которая не может добраться до мыши, спрятавшейся за веником, а тем более до Порфирия.

Потом нестерпимо яркий свет, зажженный прямо над ее глазами, и голос как с небес:

– Наркоз. Начинаем...

Юля падала в сон, чувствуя, что за всю свою везучесть, которой ее щедро одарила судьба, она расплатилась одним махом, но сполна. Бог кинул кости, и ей выпал Порфирий. Последними проблесками сознания она рванулась вперед, разрывая грудью ленту, на которой вместо слова «финиш» было написано «капец». В этот момент для Юли все закончилось, она стала просто телом, над которым сосредоточенно склонились люди, чьи лица закрывали маски.

– Пора бы ей уже просыпаться. – Первое, что услышала Юля, выплывая из наркоза.

Но она мстительно не подавала признаков жизни. Почему-то ей хотелось, чтобы за нее поволновались. Как следует. Чтобы вокруг начались танцы с бубнами. Чтобы у врачей затряслись руки, а неведомый Порфирий начал заикаться. И тогда она милостиво воскреснет по дороге в морг. Так воедино сплелись детская капризность, женский эгоизм и прихоть творческой натуры.

Вместо этого произошло совсем иное.

– Эй, просыпаемся! – Голос был лишен сантиментов. – Вы меня слышите? Откройте глаза, если слышите.

Юля еще плотнее сжала веки. Из мстительной вредности.

Бац! Бац! Бац! Хлесткие звуки сопровождались ожогом, переходящим от одной щеки к другой. Юля даже не сразу поняла, что ей надавали пощечин. Это было настолько неправдоподобно, что она не просто открыла глаза, а выпучила их, с изумленной ненавистью пытаясь увидеть того, кто посмел ее ударить. Однако наркоз еще туманил сознание, мозг сбоил, изображение дробилось, и она видела лишь плывущие, как на карусели, фрагменты коллажа – пятно лица в обрамлении белой ретуши, черные разводы на этом пятне – то ли очки, то ли усы, то ли брови. Она точно знала, что это Порфирий. Имя обязывало иметь повадки старорежимного деспота. Одурманенное наркозом воображение рисовало картинку замшелой старости и обозленной немощи. Ну а то, что голос моложавый, так это нормально. Голос – последнее, что у человека отбирают годы.

– Проснулась, значит, – услышала Юля. – Это хорошо. – Пятно лица отклонилось, голос поплыл куда-то вбок. – Люда, в реанимации глаз с нее не спускать. Едва вытянули, еще бы чуть-чуть... А я спать. Вот оно, счастье!

Юля услышала удаляющиеся шаги и осталась с вопросом, в чем именно состояло счастье этого человека – в ее чудесном пробуждении или в его скором сне? Пробуждение – это победа над смертью, уникальное событие в масштабе ее драгоценной жизни. А его сон – это просто заурядный храп, регулярное и ни на что не претендующее явление природы.

Додумать эту мысль Юля не смогла, не хватило сил. Она снова уснула, но уже как нормальный человек. Распотрошенный, измученный, но спасенный.

Палата

Потекли больничные будни. Реанимацию Юля не запомнила. Можно даже сказать, что реанимацию она банально проспала. Там было спокойно, как в капсуле космического корабля.

Куда-то летишь, прошлого уже нет, будущего еще нет. Даже люди в белых халатах заходили молча, разговаривали тихо и почти не тревожили Юлю.

То ли эта палата срочно понадобилась другому пациенту, то ли Юля оказалась живучей, как кошка, только очень скоро ее перевели в общую палату. Тут-то жизнь, временно поставленная на паузу, понеслась, наверстывая упущенное.

Юлю привезли на каталке в комнату, плотно заставленную кроватями. На них сидели и лежали женщины разных возрастов и комплекций, но между ними определенно было что-то общее. Их объединяло то, что окружающее казалось им нормальным, по крайней мере, сносным.

Согласиться с ними Юля не могла. Она непрерывно морщилась, внутри все вопило, что здесь ей не место. Ей срочно нужно на выход. Вход в ее мир совсем в другом отсеке вселенной.

Больница пахла бедностью. Отвратительной, застойной, понурой, обреченной бедностью. Ремонта давно не было, или его провели по упрощенной схеме. Универсальным средством крепежа выступали изолента и скотч. Ручки на тумбочках были разномастные, зато одеяла одинаковые, цвета хаки, что придавало палате казарменный вид. Однако женщины, напиханные в палату как сельди в бочку, считали эти условия вполне пристойными и даже пригодными для жизни. Они были полны других забот.

Едва Юлю привезли и разместили на кровати у окна, как толстая тетка с дряблыми ляжками, которые она почему-то не прикрывала, обратилась к ней:

– Слышь, ты хранишь?

Юлю покорило. И такое обращение, и нарушение ее личных границ, и напоминание о том неприятном факте, что да, она храпела.

– Нет, – ответила Юля лишь бы прервать подобие беседы.

– Жаль, – со вздохом протянула тетка. – Вторую ночь маюсь, прямо спасу от бессонницы нет.

Юля округлила глаза. Тетка сочла это приглашением к разговору.

– Мой-то храпит так, что посуда звенит. Вот в привычку и вошло. А привычку пальцами не сотрешь. Не могу без его храпа спать, хоть ты тресни.

– Ой, да ладно тебе заливать, – прорезалась остроносенькая, костлявая бабенка, чья кровать была придвинута к двери и почти перекрывала вход. – Тут ночью такой храп стоит, хоть святых выноси. Просто ты первая засыпаешь, вот и не слышишь.

– Это я-то первая? Да я вчера полночи про Ленкин желчный пузырь слушала, – не сдавалась та, что с ляжками.

– Ха! И чем же там все закончилось? – Бабенка оказалась язвой.

– Там Ленке кобзда пришла. Муранов ее спас.

– Ответ не засчитывается, тут многих Муранов спас, – вклинилась тетка с большим пятном седых волос, расплзающимся от темени. Палата загудела в знак согласия. – А что потом было? Над чем мы все ржали?

Обладательница дряблых ляжек пристыженно молчала. Наполовину седая победно продолжила:

– Ленке кто-то рассказал, что однажды в желчном пузыре нашли алмаз. Ну она и давай Муранова пытает, не обокрал ли он ее. А он, не будь дураком, так серьезно ей и говорит: «Я ваш бриллиант отнес в прокуратуру. Вы не собирались, мадам, в ближайшие дни пересекать границы Российской Федерации? Теперь вам предстоит не задавать вопросы, а отвечать на них». Ленка испугалась...

– Да ниче я не испугалась, – вклинилась Ленка. – У меня и паспорта заграничного отродясь не было. Просто Муранов так шутит, что не поймешь сразу. То ли шутит, то ли дело шьет.

– Талант потому что, – подвела итог костлявая бабенка.

– Дааа, – примирительно вздохнула толстуха. – А талант пальцами не сотрешь. – И в знак почтения прикрыла ляжки больничной простыней.

Юля вдруг поймала себя на мысли, что ей интересно. Как будто она лежит на пляже и подслушивает разговоры с соседних лежаков. Только там все говорят о том, где были и куда еще хотят полететь, сравнивают Мальдивы с Сейшелами. А тут настоящие эмоции, разборки, взаимные подколы, дифирамбы какому-то Муранову. Кстати, почему при наличии такого Муранова ей достался замшелый Порфирий?

Тут в палату заглянула медсестра и голосом братана, стоящего на шухере, предупредила: – Муранов идет! Быстро все по местам, и чтоб тихо тут.

Все и так были на своих койках, но как по команде кинулись прибираться. Ленка без желчного пузыря начала орудовать в зоне декольте, запихивая застиранную ночнушку за вырез халата. Седовласая посплюнявила палец и провела им по бровям. Толстуха расправила и пригладила простыню поверх ляжек. А костлявая бабенка шустро нырнула под подушку и достала тюбик губной помады. Даже безмолвная старушка, которой в знак уважения к возрасту выделили место у окна, прямо напротив Юли, зачем-то громко лязгнула зубами, проверяя крепость протеза.

И только Юля надменно и намеренно не шевелилась. На фоне этого контингента она чувствовала себя царицей. Временно недееспособной шальной императрицей, которая ждет врача для доклада.

И он появился.

Муранов

В палату вошел невысокий, средней комплекции человек лет сорока, за которым на некотором расстоянии почтительно семенила медсестра. Мужчина не был красавцем. Всего в нем было с избытком, с перебором – крупный, мясистый нос нависал над толстыми, почти негритянскими губами, которые едва покрывали широкие, как у бобра, передние зубы. Глаза, широко расставленные и слегка навывкате, цветом напоминали вороненую сталь. Казалось, что Творец был в ударе, создавая этот экземпляр. Или под мухой. От одной мысли, что и начинка у Муранова такая же крупнокалиберная, Юля почувствовала странное беспокойство.

Он сразу подошел к Юлиной кровати.

– Добрый день. Меня зовут Муранов Порфирий Сергеевич. Вы поступили по скорой с гнойным перитонитом, я вас оперировал. Жалобы есть?

– Жалобы? На что?

– Ну не на жизнь же, – усмехнулся он. – На самочувствие.

– Слабость, легкое головокружение... – начала Юля.

– Рискну вас огорчить, – с оттенком язвительности перебил врач, – но после операции такое случается, это нормально.

– Ну раз вы все обо мне знаете, зачем спрашиваете? – обиделась Юля.

– Не все. Например, мне крайне важно знать, ходили ли вы сегодня в туалет.

– Что?

– С утра мочились?

– Нет. – Юля почувствовала, что краснеет.

– А вот это плохо. Если трудно вставать, просите утку. Пить и писать, снова пить и писать – вот вам домашнее задание на ближайшие сутки. Остальное мы сделаем сами.

Он отвернулся и уже хотел уходить, но слова «мочиться» и «просить утку» так резанули Юлин слух, что она мигом вышла из гипнотического замешательства, в которое погрузил ее хирург Муранов.

– Мне нужна отдельная палата, – капризно, но твердо сказала Юля. – А еще лучше специальная машина скорой помощи, которая доставит меня в Москву. Я предпочла бы долечи-

ваться там, а не здесь. – И она максимально красноречивого обвела пространство вокруг осуждающим взглядом. – Разумеется, не бесплатно, выставляете счет – я его оплачиваю, и мы расстаемся к обоюдному удовольствию. И с надеждой больше никогда не встретиться.

В палате наступила тишина. Тетки прикидывали, сколько это может стоить. Это ж сколько раз в областной центр можно туда и обратно стонять? Медсестра подобострастно изображала возмущение, ловя взгляд Муранова, который затормозил у самой двери. Муранов молчал.

Юля почувствовала, что от нее ждут какой-то финальный аккорд. И выдала его:

– В конце концов я не прошу, я требую.

Слова полетели в Муранова, и он вздрогнул, поймав их. Врач развернулся всем корпусом к Юле, и она увидела, как потемнели его глаза. Чеканя каждое слово, он произнес:

– Мадам, не смею вам перечить. Но хочу сообщить пренеприятнейшую новость: у нас нет отдельных палат. От слова «совсем». Могу предложить вам кладовку. Там вас никто не будет беспокоить. Даже мыши. И свободной машины скорой помощи у нас тоже нет. Людишки в городе живут плохонькие, нагло болеют, тем самым занимают машину, которая так нужна вам.

– Я на такси могу, – продолжала спорить Юля, понимая, что гребет не туда.

– Это как пожелаете. Насчет выписки решайте с лечащим врачом. Татьяна Ивановна скоро к вам зайдет. Хотя сомневаюсь, что она согласится сесть в тюрьму ради вас. В нынешнем состоянии вы даже до городского кладбища не доедете. – И подчеркнуто учтиво, слегка на лакейский манер, он спросил. – Так что с кладовой? Готовить для вас?

Юля ответила гневным взглядом.

– Стало быть, нет. А зря. Мы бы недорого взяли.

Он вышел из палаты под беззвучные овации больничных зрителей. Медсестра смерила Юлю уничижительным взглядом и с почтительным восхищением последовала за Мурановым.

«Капец, – подвела итог встречи Юля. – Поговорили. А ведь он мне жизнь спас».

Обход

По закону больничного протокола Юля перешла в ведение лечащего врача. Как по конвейеру ее передали безликой Татьяне Ивановне, единожды взглянув на которую, Юля припомнила словосочетание «хождение в народ». До революции были такие благородные барышни, которые, начитавшись умных книжек, на почве обостренной совести шли учить и лечить тех, кто, как им казалось, в этом нуждался. Было в этой Татьяне Ивановне что-то жертвенное. Она напоминала лошадь, тоскующую по хомуту.

Татьяна Ивановна, совершая обход, выслушивала жалобы больных с таким вниманием, с каким круглая отличница запоминает домашнее задание. Делала пометки в блокнот и обещала во всем разобраться и всем помочь. «Мать Тереза», – со снисходительным сочувствием подумала о ней Юля.

Сегодняшний обход не стал исключением.

– Что беспокоит? – Врач слегка наклонилась, поглаживая плечо божьего одуванчика у окна.

– Сын, кажись, запил, – пожаловалась старушка. – Который день трубку не берет. Я звоню, значит, а он не берет. Я опять звоню, а он опять не берет.

– Может, деньги на телефоне закончились? – врачиха обнадежила старушку. – Зря вы преждевременно волнуетесь.

«Капец! У мужика деньги закончились, и это у них называется «зря волнуетесь». Лучше б он запил», – бухтела про себя Юля с плотно сомкнутыми губами.

– Не переживайте, все выясним. – Татьяна Ивановна была сама невозмутимость. – Я попрошу Людочку зайти к нему, она как раз на Затулинке живет. Это же ваш район?

«Вот радости-то Людочке привалило», – скривилась Юля.

– А тут у нас что? – врач уже склонилась над Леной, у которой удалили желчный пузырь. Татьяна Ивановна принялась и полезла к ней в тумбочку. Лена выглядела испуганно и дерзко, как воришка, пойманный с поличным.

– Ну что такое? Вам же нельзя! – Татьяна Ивановна вынула пакет, из которого торчал рыбий хвост. – После удаления желчного пузыря необходима строгая диета!

– Да я что? Я понятливая. А мужу хоть кол на голове теши. Говорит, что для поправки радость нужна. Что без счастья мухи дохнут и реки сохнут.

«Вобла как путь к счастью, капец!» – Юля передернула плечами.

Лена продолжала оправдываться с нотками горделивого смущения:

– Он бы сам съел, но в одну каску не может, скучно ему, любит меня очень.

– Это хорошо, что любит, – улыбнулась Татьяна Ивановна. – И про радость он все правильно говорит. Вы его похвалите за заботу. Только воблу эту лучше Людочке отдайте, она в положении, ее на соленьек тянет.

«И снова Людочке выпал сектор приза. Да она сегодня фартовая! От какого же ушлепка она забеременела, если он ей соленых огурцов вдоволь купить не может?» – бурлила Юля.

Обойдя всех, Татьяна Ивановна развернулась к Юле. Было ясно, что она оставила московскую гостью на десерт. Под занавес. Видимо, слух о необычной пациентке уже облетел больницу.

– Как вы себя чувствуете? – В голосе врачихи отчетливо читалась учтивая тревожность. Как будто Юля могла покусать.

– Сносно.

– Что-то беспокоит?

– Нет. – Юля решила не опускаться до диалога. – Когда меня выпишут?

– Позвольте я посмотрю. – Вместо ответа Татьяна Ивановна жестом попросила Юлю задрать ночнушку и показать шов.

Она смотрела на шов, а Юля на ее лицо. Шов был, видимо, красноречивей лица. По крайней мере, Татьяна Ивановна разглядывала его долго и внимательно, при этом ее лицо оставалось совершенно непроницаемым. Юлю это начало раздражать. В конце концов, это ее живот, ее шов и вообще она одушевленный предмет, который имеет право знать все подробности.

– Что там? – не удержалась Юля.

– Ничего пугающего. – Татьяна Ивановна делала пометки в блокноте и не отвлекалась на Юлю, которой во всем этом чудилось преднамеренное пренебрежение, попытка поставить ее на место.

Мириться с этим Юля не могла.

– А вы в курсе, что в современных больницах аппендицит удаляют через маленькие проколы? – Волна неприязни подхватила Юлю и понесла, как щепку. – Какого черта меня располосовали? Или у вас из инструментов одни ножи? И как теперь прикажете носить бикини?

В палате все стихли. Татьяна Ивановна оторвалась от блокнота, убрала его в карман и неожиданно строго сказала:

– Через маленькие проколы – это называется лапароскопия. Вам следовало бы это знать, если беретесь об этом судить. Так вот, лапароскопия не всегда возможна. В вашем случае пришлось действовать с помощью скальпеля. Ну или ножа, как вы его назвали. И почти чудо, что успели. Простите, что проявили преступную халатность, не подумав о вашем бикини, когда спасали вам жизнь. Еще вопросы есть?

– Когда меня выпишут? – Юля мучительно старалась не краснеть.

– При первой возможности. Уж поверьте, при самой первой возможности мы расстанемся с вами.

Татьяна Ивановна ушла и унесла с собой остатки симпатии к Юле. В палате повисло прочное неприятие «этой зажавшейся москвички».

Тетка с ляжками на следующее же утро отчитала ее, как простую малолетку:

– А говорила, что не храпишь. Еще и вруша, – припечатала она.

Это «еще» подразумевало, что список претензий к Юле вообще-то куда длиннее. Просто нет желания с ней разбираться.

– Да не трогай ты ее, – Ленка, расставшаяся с желчным пузырем, не удержалась и вставила свои пять копеек. – А то она Путину нажалуется. Ей там в Москве сподручнее.

И все засмеялись. Дружно и весело.

Юля и раньше знала, что ничто не сплавивает коллектив так эффективно, как выбор всеобщего объекта для травли. Но она и предположить не могла, что сама станет таким персонажем. Неприятным открытием стало то, что смеяться можно не только сверху вниз, но и в обратном направлении. Эти провинциальные тетки, с непрокрашенной сединой, с дряблыми ляжками, с протезами вместо имплантов смели насмехаться над ней, красивой и богатой, успешной бизнес-леди, перед которой заискивали люди с внушительными визитками.

Отвечать плебсу Юля не хотела. Много чести. К тому же это все равно что пытаться потушить огонь, заливая его бензином. На их стороне было численное преимущество и классовое родство. Юля молчала, и вся нерастроченная лавина слов, бурлящих внутри, переплавлялась в краткое: «Ненавижу!» И этих жалких теток, которые даже не осознают степень убожества своей жизни, и Никиту, который организовал курьерскую доставку апельсинов в больницу, а сам сбежал в Москву, и больше всех Муранова, который обжег ее своим дерзким равнодушием. «Пришел, проверил, что не зарезал, и испарился», – вела Юля счет своих обид.

Хирург не появлялся. Юля ждала. Ей хотелось отыграться в их словесной дуэли, переломить счет. То, что в первом раунде она позорно проиграла, было очевидно. Воспаленная гордость, помноженная на что-то еще, чему она не могла найти определения, мучительно корябала душу. Юля жаждала новых встреч.

Она не названивала в Москву и не теребила за ниточки, из которых могла соткать ковер-самолет, который перенес бы ее в столицу, несмотря на шов и вопли врачей. Ей не хотелось улетать из Мухарпенска раньше, чем она решит проблему с этим хирургом. А проблема была. Такая же яркая и внушительная, как внешность человека, лишившего ее покоя. Нет, уезжать пока нельзя.

Ей хотелось вернуть свое верховенство, и тогда, с его высоты, она изойдет словами благодарности, которые искренне и обильно польются на голову этого Муранова. И не только слова. Купюры в конверте никто не отменял. Она милостиво и щедро отблагодарит хирурга и покинет этот юродивый городок.

Да, Муранов ее спас. Это бесспорно. Но пока не заслужил права услышать от нее спасибо.

Швах

Никита, вернувшись в Москву, испытывал адовые муки. Сутки он почти ничего не ел и спал урывками, нещадно комкая подушку, как будто она была в чем-то виновата. Ворочался в постели и страдал.

Нет, его не смущало, что Юлия Одиноква осталась одна в Мухарпенске. Кто ж виноват, что ее аппендициту приспичило загноиться именно там, в точке вселенной, забытой Богом и властью? В скорую помощь он позвонил, апельсинами на первое время обеспечил... Какие могут быть к нему претензии? Что еще он мог для нее сделать? Он, начинающий актер с амплуа героя-любовника, который только издали видит блеск славы, манящей и сулящей? В конце концов, она девочка большая, справится. С ее-то возможностями и самолет МЧС дернуть можно.

Мучения были связаны с тем, что Никита носил в себе мощный новостной повод засветиться в медийном пространстве. Он прямо физически чувствовал, как его распирает изнутри. От одной мысли, сколько перепостов, лайков, комментариев соберет эта новость, Никиту кидало в приятный жар. Потом он вспоминал о Юле, которой может не понравиться его болтливость,

и его обдавал ледяной душ. Этот контраст распял нервную систему. Никита начинал урывками пускать слезу. Он очень хотел стать героем дня и боялся огрести последствия.

Соблазн был такой чудовищной силы, что на вторые сутки Никита сдался. Он успокоил себя тем, что если не раскрывать имени спутницы, то с него и не взыщется. Самообман был так сладок, что Никита еле дотерпел до утра, чтобы начать торговать своими воспоминаниями. Как он вживался в будущую роль в исконно русском городке М., поскольку очень серьезно относится к проработке образа. Как его подкосило ночное несчастье, когда его спутница, дама известная в узких кругах, чуть не умерла от загадочной болезни, присущей этим широтам. И как он вовремя привел в их гостиничный люкс (именно люкс, а не простой номер, это важно упомянуть) нерасторопных врачей, чем спас жизнь своей спутнице. Да, его оперативность и решительность спасли человеческую жизнь. Имя дамы он не разглашает, ибо джентльмен. Но все эти тревоги не мешают ему блестяще справиться с ролью, которой он скоро осчастливит своих зрителей.

Через пару часов эта развесистая клюква пропитала своим соком все медийное пространство. Фотографии Никиты заполнили блоги и новостные каналы. Искусственный интеллект, призванный журналистами на службу, обрамил Никитин портрет коллажем, в котором мелькали кареты «Скорой помощи», разрушенные коровники и почему-то купола церквей. Видимо, так искусственный интеллект представлял себе русский провинциальный город.

Лайки росли, как комариные тучи. Комментарии, как обычно, поделились между «ах, девочки, хочу себе такого любимку» до «умри, гондон». Короче, все складывалось прекрасно.

Ровно до тех пор, пока не проснулся Николай Широкий, куратор и поводырь Никиты по скользкой дороге киношного успеха. Проще говоря, его агент с широкими полномочиями.

И хотя артистическому мастерству Никиту обучали преподаватели театрального училища, он по праву считал, что артистом его сделал именно Николай, приятель и партнер Одиноквой по бизнесу. Николай добывал для него роли, договаривался о месте на обложке глянца, проталкивал его в разные ток-шоу, словом, не покладая рук ковал его популярность.

Николай Широкий оправдывал свою фамилию. Он шагал широко, занимался не только Никитой. У него была целая отара актеров, с которых он стриг шерсть. Иногда одного из своих барашков он отправлял на выпас к Юле, чтобы той не было скучно. Простой качественный секс с молодым красавчиком никто не отменял. Николай прекрасно понимал, что продюсеру Одиноквой приятнее считать деньги, чем число прожитых лет. И чем больше этих лет, тем очевиднее эта истина. А Юля склонялась к сорокалетию, так и не обзаведясь семьей.

В то утро, как обычно, Николай сварил себе крепкий кофе, которым привык запивать медийный мусор, и принялся листать ленты блогеров. Это было частью его работы. Он просматривал блогерский треп с таким же выражением лица, с каким биржевой маклер отслеживает котировки акций. Сосредоточенно и со скукой. Вдруг он поперхнулся кофе, закашлялся и тут же схватился за телефон:

– Эй, джентльмен, ты ничего не попутал? – Николай был зол и не скрывал этого. – Кто, твою мать, должен был первым узнать об этом? Я, сука, или блогеры-шмогеры? Быстро колись: кто с тобой был?

– Я не могу... – начал Никита. – Это было бы не по-джентльменски...

– Чтооооо? – заорал Николай.

В этом крике было столько неподдельного изумления и возмущения, что Никите резко расхотелось быть джентльменом.

– Юлия Одиноква, – дрожащим голосом раскрыл секрет Никита.

Николай издал смесь рыка со стоном. Одиноква не простая телка. Если Никита накосячил, она не только ему кислород перекроет, но и Николаю как его агенту, чисто за компанию. В медиаиндустрии Юлию Одинокву уважали и побаивались. Точнее, сначала побаивались, а уже потом уважали.

– Что с ней?

– Аппендицит. Но плохой, с гнойным перитонитом.

– Врач, что ли? Откуда про гнойный знаешь? И где этот перитонит вас застал?

Никита не знал, на какой из вопросов отвечать. Он замешкался.

– Город? – заорал Николай.

– Мухарпенск, кажется. Или Мухоранск. Нет, точно Мухарпенск.

– Номер больницы?

– Она там, кажется, одна. Так и называется – «городская». Я точно не знаю. – Никита разволновался. – Адрес у меня есть, я ей курьером апельсины послал.

– Засунь эти апельсины себе в... – Короткие гудки оборвали маршрутный листок.

– Сам засунь, – ответил Никита в никуда.

Он знал, что разговор не окончен. Он нарушил важное правило, и с него еще взыщется. Все интервью прессе, весь слив информации через блогеров Никита должен был согласовывать с Николаем, который отвечал за его имидж. Собственно, имидж и был товаром, который они продавали в четыре руки.

Актеров на рынке уйма. И все умеют изображать отвагу и страдания. Нужно, чтобы симпатии зрителей гарантировали кассовые сборы. А зритель любит актера как человека. Вот такого человека и лепили они, не покладая рук, на медийных просторах. Блоги, интервью, фотосессии, участие в ток-шоу и благотворительных акциях – все служило цели создания образа Никиты как человека, у которого прекрасно все. И лицо, и мысли, и гонорары.

И пока Никита осознавал свой прокол и прикидывал, что из этого выйдет, Николай уже спешно звонил Юлии Одиноковой.

– Юлёк, привет, дорогая! Как ты?

– Да нормально. Вот пережила ампутацию аппендикита. Только не делай вид, что ты не знаешь. Никита же твой питомец. Неужели не доложил?

– Ну типа того... Говорит, что гнойный перитонит. Я тут чуть с ума не сошел от волнения...

– Коль, кончай! Давай пропустим этот ритуал. Мы оба прекрасно знаем, что даже на моих похоронах ты будешь стоять у гроба и прикидывать, кто теперь будет давать бабло. – Юля приветливо засмеялась. – Не надо надевать овечью шкуру, она тебе не идет.

«Уфф! Пронесло, кажись. Шутит – это хорошо», – выдохнул Николай.

– Ладно, рад за тебя, Юлёк. Раз дерзишь, значит идешь на поправку. Но я в обиде. Почему не позвонила? Чего как неродная?

– Сначала операция, сам понимаешь, не до того было, – Юля говорила с ленцой. – Потом телефон мой куда-то сунули, искали с собаками. Потом зарядка кончилась. Не поверишь, только в руки взяла, и тут ты нарисовался.

«Значит, она еще не видела откровения этого гаденыша», – догадался Николай.

– Ладно, поправляйся там. Ты, главное, спи побольше. И не нервничай. Это тебе сейчас категорически не по фэншуй. А Никиту я собственноручно выпорю, – бодро пообещал он.

– За что?

– Как за что? Оставил тебя там одну. Совсем одну. Помнишь, как в том анекдоте?

– А нафига он мне тут нужен? – Кажется, Юля зевнула. – Стакан воды подать?

«А нафига ты вообще туда с ним поперлась?» – раздраженно подумал Николай. Вслух сказал:

– Ну мало ли что... Все-таки оставаться в чужом городе без своих... Не пойми в какой провинциальной больнице... Нет, решительно выпорю.

– Коля, кончай вокруг да около ходить. Он накосячил? – с тревогой спросила Юля. – Слил инфу? Не удержался и дал интервью?

Повисла пауза.

– Ну типа того, – обтекаемо ответил Николай.

Опять пауза.

– Коля, я жду! – в голосе Юли слышались знакомые нотки, не предвещавшие ничего хорошего.

– Юлёк, ты только не волнуйся. Никаких имен, ничего конкретного. Еще раз повторяю: он не назвал тебя. Просто треп юного Дон Жуана... Ты же его знаешь.

– Капец! – Юля повысила голос. – И теперь еще скажи мне, что у журналюг не хватит мозгов вычислить меня. Завтра закрытый показ, на котором меня не будет... Вчера я пропустила премьеру в Камергерском... Коля, ты когда себе актеров на продвижение берешь, ты мозги совсем не учиываешь? То есть тебя не смущает их полное отсутствие?

«А ты?! Ты что учиываешь? Какого лешего ты взяла его в этот романтик-вояж?» – вертелось на языке Николая. Но он давно привык контролировать свой язык. Тем более при разговоре с продюсером, от которого зависело финансирование проектов.

– Юлёк, давай без резких движений. Мы сто лет друг друга знаем...

– Не ври. Не сто лет. Мне только тридцать девять. – Юля нажала отбой.

Николай судорожно сглотнул. От него больше ничего не зависело. Оставалось надеяться, что Юле вкюют успокоительное со снотворным и она во сне все забудет. Ну или ждать плачевной развязки.

Долго ждать не пришлось.

Через полчаса ему позвонил Тимур Шульман, пронырливый режиссер, которому Николай удачно скармливал своих актеров. За каждую роль актеры приносили Николаю проценты от своего гонорара. Не много, по копеечке. Но, как говорится, курочка по зернышку клюет, а весь двор в гуано.

– Прости, старик, – без предисловий начал Тимур. – Мне Одиноква только что позвонила. Не знаю и знать не хочу, что там у вас стряслось, только она велела Никиту с роли снять. Что я и делаю. Сам понимаешь, мне с ней спорить не с руки. Право последнего слова, сам знаешь, за ней. У нас как в психушке: кто первым халат надел, тот и врач. У кого бабло, тот и рулит. Без обид, старик.

– Постой! Мы еще с ней договоримся, – попытался переломить ситуацию Николай, но сам слышал, как неубедительно звучит его голос.

– Нет, не договоришься. Эта тетка с железными яйцами. Я ее сто лет знаю...

– Ей только тридцать девять, – машинально поправил Николай.

– Что? Не важно. Кстати, если хочешь знать мое мнение... Никита твой как актер полное фуфло. Кроме морды ничего в нем нет. А морда – продукт скоропортящийся. Хотя презервативы тоже одноразовые, однако ж какой спрос! – засмеялся он. – Не расстраивайся. Никита твой мимо, без разговоров. Прости еще раз.

– Может, тогда Игната возьмешь? Помнишь его в роли сутенера в фильме «Казенные шлюхи»? Тот же типаж.

– Нет... – Тимур замялся.

– Не томи.

– Николай, тут такое дело... Одиноква посоветовала от тебя актеров больше не брать. Ну как посоветовала? В приказном порядке. Ты же ее знаешь...

– Ясно, – сказал Николай на удивление спокойно.

– Ну раз ясно... Тогда пока. Звони, как разрулишь. – Тимур подумал и уточнил: – Если разрулишь.

Гудки обозначили конец разговора, безрадостного для обоих.

Николай понял, что дело швах. Все очень-очень плохо. Однако он был спокоен и собран. В решительную минуту он становился человеком без нервов. Его организм реагировал на

стресс ледяной собранностью и концентрацией на задаче. Природный дар, который он развил до совершенства и благодаря которому столько лет был непотопляем.

Николай Широкий уже не думал о Никите, о Тимуре. Он думал о том, летают ли самолеты в этот Мухарпенск. Или как его там? И где это вообще? В каком направлении? Если самолеты не летают, он рванет на машине, обгоняя дальнобойщиков. Или на поезде, хоть на боковушке в плацкарте возле туалета. Не важно. Пешком пойдет, по-пластунски поползет.

Не в первый раз его бизнес висел на волоске. Он спасал его в саунах и борделях, на горнолыжных курортах и в пятизвездочных отелях, в ресторанах и охотничьих домиках. Правда, на этот раз все складывалось гораздо интереснее. Никогда еще судьба не заталкивала золотой ключик в такое укромное место.

Впервые для спасения бизнеса придется ехать в городскую больницу, расположенную в одной из черных дыр на карте необъятной родины. И он сделает это. А какие у него варианты?

Больничный коридор

Юля начала потихоньку ходить. Сначала как ребенок, шаря руками в поисках опоры и держась за спинки кроватей, за стенки, за дверные косяки. Потом оторвалась и еле-еле пошла на своих двоих. Она, прежде цокающая на каблуках, теперь семенила и шаркала тапочками, как старая бабка. Баюкая боль, Юля боялась сделать широкий шаг. Шов требовал поклонения, сгибая Юлину спину и сутуля плечи.

В таком неприглядном виде она шла по коридору, чтобы попросить у медсестры обезболивающее. Взгляд прощупывал место, куда ставить ногу. Шаг за шагом. Не дай бог маленький порожок или разлитая жидкость. Сегодня шов как-то слишком агрессивно напоминал о себе. Хотелось плакать от боли и нелюбви, в которую Юля впервые погрузилась с головой. В Москве ее убеждали, что она замечательная, выдающаяся, любимая вдоль и поперек. Конечно, у нее были враги. При ее деятельности их не могло не быть. Но они не в счет. Врагам положено не любить. Остальной же мир купал Юлю в радости и удовольствиях. И вдруг она осталась без этого обожания, как будто в холодной комнате с нее сдернули мягкое пуховое одеяло. Стало зябко, страшно, одиноко.

Может быть, с полом что-то? Щели между досками почему-то начали извиваться, туманиться. Потом на пол упала капля, еще одна. Юля поняла, что плачет.

В этот момент кто-то подхватил ее повыше локтя и притормозил.

– Что тут у нас? Почему слезы? – Голос был спокойный и требовательный.

Юля подняла глаза. Сквозь пелену влаги она различила характерное лицо Порфирия Сергеевича.

– Мне больно, – тихо пожаловалась она.

– Это нормально. Придется потерпеть.

– И еще мне плохо. Это тоже нормально?

Он внимательно посмотрел на Юлю, словно прикидывая, стоит ли ее пожалеть.

Пауза затягивалась.

– Меня тут все не любят, – шмыгнула носом Юля. – Смотрят как на классового врага.

– Ну, правды ради, вы сделали для этого все, что от вас зависело. – Он улыбнулся. – Москвичка, богатая, красивая. Сразу три греха в одном теле.

Юле очень хотелось спросить, правда ли он считаете ее красивой, но она поменяла формулировку.

– Почему вы решили, что я богатая?

– Потому что у меня есть глаза, – просто ответил он. – Богатство оставляет на человеке несмываемые отметины. Так же, как и бедность. Эти состояния въедаются в кожу человека, меняют походку, наклон головы, манеру говорить.

– То есть бедный человек всегда... немного убогий? – Юле стало интересно.

– Я этого не сказал. Бедные и богатые люди – это как полевые и оранжерейные цветы. Они разные, и все.

– А вы какие цветы любите? – глядя в глаза, спросила Юля.

– Я люблю свою жену, – не отводя взгляда ответил хирург.

Он отпустил Юлину руку, и она поняла, что он сейчас уйдет и она опять останется совершенно одна. Оранжерейная роза в окружении ромашек и лютиков.

– Не уходите, – попросила она. И добавила: – Я вас очень прошу, не бросайте меня.

Муранов очень внимательно посмотрел на нее.

– Настолько плохо?

Она кивнула.

– Тогда вам необходим чай и человек в придачу. Вместе они творят чудеса, – он покрутил головой по сторонам и крикнул вглубь коридора: – Людочка, не знаете, где Татьяна Ивановна?

– Я не хочу Татьяну Ивановну.

– Почему?

– Я хочу вас.

Порфирий Сергеевич потер подбородок, собираясь с мыслями.

– Знаете, мне кажется, что у вас настроение от «хочу вас» до «хочу квас» может измениться за пять минут, – он говорил совершенно серьезно. – Может, просто переждем?

– Это исключено. Я не люблю квас.

– Это, конечно, аргумент, – улыбнулся Порфирий Сергеевич. – Но слишком слабый, чтобы я посвятил вам свой рабочий день.

«Так посвятить выходной», – хотелось сказать Юле, но она понимала, что это будет слишком откровенной шуткой. Хотя почему шуткой? Этот мужчина действовал на нее магнетически, в нем чувствовалась правильная порода и крупный калибр, не уступающий Юле. Она и забыла, каково это – быть рядом с тем, кто сильнее и умнее ее. Неужели за этим забытым чувством нужно было ехать в Мухарпенск?

– Я вас очень прошу, не бросайте меня, – сказала она искренне. – Вы же давали клятву Гиппократу.

– Там нет пункта про вас.

– Может быть, мелкими буквами, в примечании?

Он расхохотался, широко оголяя свои богатырские зубы, чем очень польстил Юле.

– С вами забавно, – неожиданно серьезно сказал хирург. – Давайте сделаем так. Я сейчас должен заняться тем, за что мне платят деньги...

«Я могу заплатить больше», – подумала Юля, но благоразумно промолчала.

– ...а потом, в конце рабочего дня, я зайду к вам, и если вы еще будете умирать от тоски, то мы выпьем чай в ординаторской. Подозреваю, что в таких местах вам еще не наливали.

Юля кивнула, опустив голову и спрятав взгляд, в котором плескалась слишком откровенная радость.

– Но у меня условие, – продолжил хирург. – Вы прекращаете плакать и всячески страдать. Ровное настроение – самый главный витамин. Простите мой эгоизм, но мне повторно вас штопать совсем не улыбается. Возвращайтесь в палату и старайтесь думать о хорошем.

– Например?

– Например, о победе нашей сборной по гандболу.

– Почему по гандболу?

– Потому что футболисты в этом сезоне не радовали от слова «совсем». – Порфирий Сергеевич красноречиво посмотрел на часы и всем своим видом дал понять, что лимит времени, отпущенный на утешение Юли, исчерпан. – Еще вопросы есть?

– Есть. – Юля тянула время. – Почему вас называли Порфирием?

– Потому что имя Мефодий нравилось моей матушке еще меньше. – Улыбка теплым светом озарила его лицо. – Простите, но я действительно должен идти.

– Да-да, – подчинилась Юля.

Он развернулся и пошел по коридору по своим делам. Юля знала, что он не обернется. И поэтому могла себе позволить не таясь, неотрывно, во все глаза рассмотреть его со спины.

Странное дело. Спина – это же просто полотно с вмятинами и выпуклостями, скругленное по линии плеч. Однако по спине этого хирурга угадывалось, что он на своем месте. Юля сама не могла объяснить внезапно охватившее ее чувство, почти видение, что в огромной вселенной есть малая планета, по которой бусинками рассыпаны человеческие поселения, в одном из которых булавочным уколом обозначена больница. И в этой больнице есть коридор, в котором, по замыслу вселенной, зияет дыра. В эту прореху может втянуться и улететь в мировой космос все, что есть вокруг. Все нелепые тетки из послеоперационной палаты, беременная Людочка, сердобольная Татьяна Ивановна и даже она, Юля. Но все остаются на своих местах. Потому что на эту брешь точно выкроенной заплаткой ложится белый халат, накинутый на плечи Порфирия Сергеевича. Его спина скроена под эту прореху. И нет ни единого сквознячка. Все спокойно. Никакие космические ветра не могут бесчинствовать в этом больничном коридоре.

Юлю потрясло это видение. А в потрясенной душе порой открывается створка, через которую заходит новое чувство. Так случилось и с Юлей.

Она стала ждать вечера.

Чай в ординаторской

Ближе к вечеру солнце перестало досаждать пациентам женской послеоперационной палаты. Стало не так душно, но женщины продолжали обмахиваться импровизированными веерами. Ленка без желчного пузыря приспособила для этого журнал «Из жизни звезд», который периодически сворачивала трубочкой и била им мух. Мухам наверняка льстило, что они принимают смерть от столкновения с известными личностями. Потом Ленка расправляла журнал и опять обмахивалась им, пытаясь остудить свое возмущение.

– Нет, ну ты посмотри! Врет, что пластической операции не было. – Она гневно тыкала пальцем в лицо кинодивы. – Говорит, что сейчас лето, ягоды пошли, что она маски разные делает, бла-бла-бла.

– Может и вправду делает, – язвительная бабенка спорила по привычке.

– Ага, а то я не знаю. Попробовала тут сделать. Набрала черники, подавила вилкой – и на себя, жирным слоем, чтобы наверняка. Ну, думаю, сейчас прямо Клеопатрой стану. Муж упадет.

– Упал?

– А как же! С грохотом! Я чернику смыла, а морда вся синяя, как у пропитой. Дня три эффект держался, как с настоящего похмелья.

– Это да, похмелье пальцами не сотрешь, – авторитетно подтвердила толстуха.

Женщины одобрительно рассмеялись.

Юля заметила, что здесь приветствуется самоирония. В ее кругу в любую шутку был вшит подтекст крутизны и денежного мотовства.

– Это что, – подтянулась полуседа. – Я тоже однажды решила маску сделать, как раз клубника поспела. Подавила на лицо, прилегла и уснула. Проснулась и давай по делам шуршать. В магазин сбегала, пирожки испекла. Пошла соседей угостить, а они мне: «Поминаешь кого?» Я моргаю, а они так серьезно: «Вон с лица почернела вся». Это на мне так клубника присохла. Гады, и ведь никто не сказал.

Женщины расслаблено смеялись. Ягода, магазин, пирожки, соседи... Это все напоминало о доме, куда они, слава богу, скоро вернутся. Улыбались, вздыхали, прикидывали, что

начнут делать в первую очередь, переступив родной порог. То ли постирушку устроить, то ли пыль по углам вымести.

Юля молчала. У нее не было инструментов, чтобы вступить в этот оркестр. Что она могла рассказать? Как она на спор надела на себя побрякушки, купленные в каком-то ларьке, и пошла на вручение ТЭФИ? Шутка юмора заключалась в том, что на следующий день все таблоиды написали, что Юлия Одиноква стала амбассадором новой ювелирной фирмы. Тут такое не поймут. Да и, если честно, Юле, лежавшей на продавленном матрасе у окна, эта выходка больше не казалась смешной. Просто глупой.

Вдруг солнце неожиданно быстро зашло за тучу, в палате резко потемнело. Женщины дружно повернулись к окну, и только Юля продолжала смотреть на дверь, с которой весь вечер не сводила глаз. И не зря. Дверь приотворилась, и в щель просунулось лицо Порфирия Сергеевича. Он подмигнул и исчез.

Полной уверенности, что не померещилось, у Юли не было. Но что это меняет? Она резко подскочила, закусив губу от боли, нащупала тапочки и резво пошаркала на выход из палаты. Мелкими шажочками, часто-часто перебирая ногами, как пингвин, зажавший яйцо между ног, она пыталась догнать хирурга. Хорошая новость состояла в том, что не померещилось. Он маячил впереди белым пятном. Плохая – он не ждал ее. Шел в свою ординаторскую одиночным номером.

Когда она с несвойственной ей робостью потянула на себя дверь, Порфирий Сергеевич уже сидел возле стола и принимал из рук Людочки чашку чая.

– Еще налей товарищу. – Он кивнул в сторону Юли.

– А товарищу можно? – подала голос Татьяна Ивановна, которую Юля не сразу заметила.

Врачиха втиснулась между шкафом и стенкой и выглядела такой уставшей, что, казалось, только эта узкая ниша поддерживала ее и не давала упасть.

Юля поняла этот вопрос в расширенном смысле. Можно ли больной пить чай вне палаты, да еще и в компании медицинских работников. Опять это забытое чувство, что ей не рады, цапнуло Юлину гордость.

– Танюш, покемарь. – Порфирий Сергеевич дотянулся и ласково погладил руку коллеги. – Я позвал, чтобы дама перед сном набралась новых впечатлений. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Она обещает сидеть тихо, как рыба в пироге. – Он подмигнул Юле и жестом показал отведенное ей место. Это была табуретка с дерматиновым верхом в углу ординаторской. «Не трон», – отметила Юля.

Она села и приготовилась отвечать на вопросы, кем она работает и, вообще, как там жизнь в Москве. И когда они узнают, что она связана с миром кино, тут-то интерес к ее персоне взлетит до потолка, покрытого дурацкими перфорированными панелями. Она приготовилась отвечать на вопросы кратко и просто, давая, однако, понять, что киношные звезды крутятся вокруг нее, как планеты вокруг солнца. Она выпишется и исчезнет, а в коридорах этой больницы еще долго будут ходить легенды о ее скромности и простоте. Создавать легенды – это ее профессия.

Но все пошло иначе. Юле налили чай и больше о ней не вспоминали. Она даже ущипнула себя, уж не снится ли ей вся эта история. Она, Юлия Одиноква, сидит на дерматиновом табурете в углу обшарпанной комнаты, а рядом три взрослых человека – хирург, терапевт и медсестра – вообще не замечают ее. Для них ее просто нет.

– Как ты сегодня этого с трахеей вытянул? Я думала, в морг отправится.

– Ну морг у нас замечательный, – прихлебывая чай, ответил Порфирий Сергеевич. – В такую жару я бы сам там часок полежал.

Разговор не умолкал, обтекая вокруг Юли. Она иногда выпадала, думая о своем, потом снова прислушивалась. Солировал Порфирий Сергеевич. Дамы поощряли рассказчика по мере

сил. Людочка хохотала так громко, что еще не родившийся ребенок мог оценить специфический юмор медиков. Татьяна Ивановна от усталости могла только улыбаться и тихо хихикать.

– ...Я им говорю: «Странная у вас водка, даже этикетка криво наклеена. Не паленая?» А они на голубом глазу: «Из тех, кто купил, еще ни один не возвращался». Я прямо подпрыгнул. Еще бы! Они прямо к нам попадали!...

– ...Пошел он в аптеку за костылем, а там только парами продают. И так душевно уговаривают: «Возьмите на будущее, пригодится»...

– ...Предлагаю решительно разнообразить жизнь больных. С завтрашнего дня туалеты с буквами «М» и «Ж» будем считать «мадамскими» и «жентльменскими». На день развлечение гарантировано...

Хохот Людочки и хихиканье Татьяны Ивановны были ему наградой. А Юля прикидывала, сколько может запросить за сценарий ситкома человек с таким чувством юмора. В мире кино у каждой шутки есть своя коммерческая цена. А тут разбазаривают целое состояние.

Юля периодически теряла нить разговора, в который ее категорически не брали. Шутки странным образом сменялись обсуждением проколов и надрезов, разорванных аорт и остановившихся сердец, а через минуту реки крови опять выносили разговор на отмель безобидных шуток.

Она видела много шутников. Как правило, они больше ничего не умели. Вышучивали страну, друзей, родителей. А тут человек починил трахею, удержал жизнь в чем-то теле и вот так снимает стресс.

И еще Юля подумала, что в совокупности все ее окружение, заполонившее пятизвездочные отели, модные показы и дорогие рестораны, не сделало ничего сопоставимого с результатами труда этой троицы. Эти трое латают дыры, через которые души убегают на небеса. Вот и ее душа осталась здесь благодаря Муранову.

Юлю захлестнуло горячее чувство искренней благодарности и едкого самоуничижения. Еще секунда, и Порфирий Сергеевич затмил всех мужчин, которых она знала прежде. Юля готова была поклясться, что нашла того самого – незаурядного, сильного, цельного. Одним словом, достойного ее.

– Что ж, пора расходиться. – Голос Муранова выдернул Юлю из мечтаний. – Давайте я вас провожу. Надеюсь, ваш вечерний кефир никто не выпил. И даже не плюнул в него.

Они вышли из ординаторской и молча пошли по больничному коридору. Юле хотелось, чтобы коридор был закольцован и никогда не заканчивался.

Перед самой палатой Юля остановилась, повернулась к Муранову и сказала сиплым от нахлынувшего чувства голосом:

– Вы один больше всего этого города! Вы такой... настоящий!

Муранов сделал вид, что ничего не понял. Хотя он понял все и сразу. Слишком откровенно подсказывали правильный ответ яростно блестевшие глаза этой сумасбродной москвички. Слишком ярко пылали ее щеки. Слишком заметно билась у ключицы тонкая синеватая жилка.

Он предпочел показаться недогадливым. Учтиво поклонившись, не сказав ни слова, он оставил Юлю одну.

И опять она долго смотрела на его удаляющуюся спину. На этот раз белое пятно халата не казалось ей заплаткой, предохраняющей от жизненных бурь. Скорее это была воронка, властно засасывающая в себя Юлины желания.

Ночью Юля спала плохо. Мечтательное возбуждение терзало ее до утра. Но отличие Юли от прочих барышень состояло в том, что ее грезы никогда не уподоблялись несбыточным фантазиям. Их энергия никогда не уходила в пустоту. Мечты в Юлином исполнении так или иначе всегда становились прелюдией действий. Иначе она не была бы Юлией Одиноквой.

На этот раз она ничего не могла придумать, сколько ни взбивала тощую больничную подушку. Досада и отчаяние переполняли Юлю до краев. В кои-то веки она встретила достойного ее мужчину, породистого, крупнокалиберного, занятого делом, а не болтовней. Они были бы прекрасной парой. Но он женат и, кажется, счастлив без нее. Как же так? И что делать?

Договор

Больничный завтрак погрузил Юлю в чувство глубокого изумления. Неужели это все происходит с ней? Она безропотно ест манную кашу и покорно принимает отставку местного хирурга. Это точно не сон? Точно-точно?

Но манка была реальной, чуть сладковатой, сероватой и с комочками. Стало быть, и остальное надо принять как данность. Фортуна не всегда улыбается, иногда делает козью морду.

Юля рассеянно водила ложкой по тарелке, когда медсестра Людочка заглянула и сообщила, что в комнате для посетителей ее ждет какой-то мужчина. Судя по любопытству, проступающему на Людочкином лице, посетитель был не старый и не урод.

В этом городе у Юли не было не только знакомых мужчин, но даже собак и воробьев. Однако кто-то ее ждет. Значит, зря она обижается на Фортуны, та старается из последних сил.

У Юли был нюх на знаки судьбы. Сколько, казалось бы, провальных проектов она вытянула, полагаясь исключительно на свою интуицию. И сейчас шестое чувство зазвонило в ней во все колокола. Чуйка подсказывала, что неожиданный посетитель оказался здесь не просто так. Осталось выяснить, кто этот мужчина и как этим можно и нужно распорядиться.

Юля без сожаления отставила манную кашу и стремительно, насколько позволял шов, пошла на встречу с загадочным посетителем.

Войдя в комнату, она почувствовала, как унылое разочарование резануло по нервам. Шов занял с утроенной силой. Вместо загадочного посланника Фортуны на стуле сидел Николай Широкий, агент Никиты и еще десятка актеров второго эшелона. Впрочем, сам он предпочитал называть себя консультантом по пиару.

– Отлично выглядишь, Юлёк, – начал Николай вместо приветствия. Он встал и остался стоять, видя, что Юля не расположена садиться. – А я тут недалеко оказался, дай, думаю, заеду. Все равно по пути.

– По пути из Зажопинска в Мухосранск?

– Ну зачем так? Я же с открытым забралом приехал.

– И сразу начал с вранья, – усмехнулась Юля.

– Ну хорошо. Не по пути, каюсь. Я специально приехал к тебе, чтобы поддержать, помочь. Если надо, организовать возвращение домой. Что в этом плохого?

– Коля! Тебе сорок лет, капец, а ты врешь как дышишь. И даже не краснеешь. Скажи еще, что ты за меня волнуешься.

– И скажу...

– Ты если и способен волноваться, – перебила Юля, – то только за свои бабки. Которые, как я понимаю, теперь плывут мимо тебя. Ты из-за них приехал? Только не ври!

– Да, – выдержав паузу, спокойно сказал Николай. – Довольна? Да, я приехал уладить конфликт, который случился на ровном месте. Никита, конечно, придурок, он свое получит. Можем, если хочешь, его совсем в утиль сдать. Но зачем обнулять столько лет нашего сотрудничества? Ты же мне совсем кислород перекрыла. Уже три режиссера отказались брать моих птенцов...

– Коля, – задумчиво сказала Юля, – а тебе не приходило в голову, что это как-то дешево, что ли? Взрослый мужик, а чем ты занимаешься? Птенцы какие-то. Ты как суррогатная насадка, которая ими торгует. Через полстраны пылишь, чтобы у меня прощения клан-

чить. Тебе никогда не хотелось заниматься чем-то стоящим, рулить настоящим делом? Чтобы это были вопросы жизни и смерти?

Николай стоял и моргал. Проморгавшись, начал говорить:

– Юлэк, ты точно с аппендицитом сюда попала? Не с сотрясением мозга? Нет? – В его голосе читалось неподдельное изумление. – Юлэк, очнись! Какая жизнь людей? В современном мире главная проблема состоит в том, что людей девать некуда. Мы с тобой настоящие гуманисты. Никого не убиваем, просто занимаем людей всякой херней. Подсовываем им бесконечную визуальную жвачку, так называемый контент. Развлекаем. Кто-то дает им хлеб, а мы создаем для них зрелища. Чертову тучу самых разных зрелищ. Так что равновесие держится на наших с тобой плечах. – Для убедительности Николай приобнял Юлю за эти самые плечи, на которые он только что возложил почетный груз. Но Юля раздраженно сбросила с себя его руку.

– Коля, я тебя поняла. Ты неисправим. – Она отвернулась к окну.

В полной тишине Николай ждал приговора. Он понимал, что напрасно приехал. Его слова ни в чем ее не убедили, он не смог переломить ее настрой, и сейчас Юля объявит, что он выходит из игры. Просто так. Потому что ей так хочется. Потому что этой своевольной дуре иногда нужно потешить свое эго. Сейчас она сядет за руль бульдозера и совершенно хладнокровно искорежит лыжню, которую он укатывал многие годы.

Николай почти с ненавистью смотрел на Юлю, представляя, с какой радостью он схватил бы ее за волосы, оттянул голову к самым лопаткам и смотрел бы, как она ловит воздух ртом, искореженным от боли. Он так живо себе это представил, что на минуту ему стало легче.

Юля вздрогнула и повернулась к нему. «Все чувствует, – с восхищением подумал Николай. – Чуйка у нее, конечно, как у собаки».

– Коля, а что ты скажешь, если я дам тебе шанс?

Николай услышал, как бьется его сердце.

– К шансу приложу хорошие деньги и очень творческую работу. Все, как ты любишь. – Голос Юли был спокоен, но глаза... Николай никак не мог уловить их выражение. В них поверх привычного стального блеска шла рябь сумасбродного бунтарства и отчаянной решимости.

– Юлэк, ты меня знаешь. Для тебя все что угодно...

Юля нетерпеливо мотнула головой, как будто отгоняла муху.

– Помолчи. Не перебивай. И не задавай лишних вопросов. Техническое задание для тебя такое: женатый мужчина должен стать свободным.

Повисла пауза.

– И это все? – не поверил в свою удачу Николай. Более легкой задачи трудно было представить.

– Да. Но есть один нюанс. – Юля стала говорить медленнее, как будто надиктовывала задание. Эту ее манеру вести деловые переговоры Николай прекрасно знал. Все вставало на свои места. – Этот мужчина должен стать свободным не только по паспорту. Страдания по бывшей исключаются. Он должен освободиться во всех смыслах, в душе и в мыслях. Он должен разлюбить.

– Я бы попробовал...

– Меня не интересует, как ты это сделаешь. Можешь соблазнить его жену, хотя... – Юля критически осмотрела Николая. – Нет, это вряд ли. Одним словом, ты у нас гений креатива, тебе и карты в руки.

Николай судорожно перебирал варианты. Кто на этот раз? Министр? Губернатор? Банкир? Нефтяник? На какую цель замахнулась Одинокова? Ох, как боязно лезть в те слои стратосферы, как не хочется путаться под ногами сильных мира сего.

– Не трусь, – словно подслушала его мысли Юля. – Это очень скромный человек неизвестной тебе породы. Совершенно бесплатно дарю тебе уникальный шанс расширить свой социальный кругозор.

– Ну тогда считай, что он уже забыл имя своей жены, – натужно засмеялся Николай.
– Отчаливаю в Москву в срочном порядке. Как молния! Одна нога здесь, а другая, можно сказать, уже в столице.

– А вот с этим не торопись.

Николай понял, что сюрпризы на сегодня не закончились, и молча ждал продолжения.

– Он с женой живет в этом городе. Стало быть, и ты с этого дня живешь здесь.

– А ты? – вырвалось у Николая.

– А я возвращаюсь в Москву, – коварно улыбнулась Юля. – У меня там дела. В отличие от тебя, Коленька.

Она подошла совсем близко и сказала, забивая слова, как гвозди:

– У тебя, дорогой мой партнер, дела в Москве появятся только после выполнения этой моей просьбы. И все должно остаться строго между нами. Иначе... Иначе ты даже Никите завидовать будешь. Все ясно?

Он кивнул.

Юля пошла на выход, а Николай так и стоял, переваривая неожиданный исход этой встречи. И когда Юля уже взялась за дверную ручку, он вдогонку спросил:

– Ты забыла сказать имя. Кто он?

– В самом деле, забыла. Муранов Порфирий Сергеевич. Хирург этой больницы. – Юля наградила Николая улыбкой пираньи и вышла, оставив его в полном изумлении.

ЧАСТЬ 2

РОКОВОЕ ПЛАТЬЕ

Семья Одинокowych

Юля Одинокова была единственной дочерью крупного партийного деятеля советской эпохи. Она родилась, когда Советскому Союзу оставалось несколько лет жизни. В силу возраста она не могла понимать разговоры, которые велись между родителями за ужином после отправки домой кухарки и горничной.

А разговоры эти сводились к мрачному бухтению по поводу временности всех благ, которыми одаривало государство. Действительно, было от чего печалиться. Все зыбко, ненадежно, неосновательно. Машина – служебная, дача – казенная, кухарка и горничная – прикомандированные, путевки на море – и те, пока Михаил Петрович занимает вверенную ему должность. Всем пользовались, но, увы, ничем не владели. А случись что? Вдруг болезнь какая? Или пенсия? Или, упаси боже, кадровая чистка? Что тогда? Все отдать? И, как простой пенсионер, играть в домино и ходить на речку с удочкой?

Михаил Петрович был не согласен. А уж как была не согласна его супруга, Раиса Львовна, и не передать. Она прямо кушать не могла от осознания временности благодати, которая их окружала.

Если для простых советских людей, томящихся в очередях, Запад ассоциировался с полными прилавками, заваленными колбасой, то семья Одинокowych плевала на товарное изобилие с высокой колокольни. Их и здесь хорошо кормили. Семья партийного функционера уважала Запад за другое. За то, что там можно не просто пользоваться благами, а владеть ими, иметь в собственности. Хоть угольные шахты, хоть алмазные копи, хоть фабрики, хоть пароходства. Короче, есть что детям передать. А что они Юленьке оставят? Ну будет у нее лучшая английская школа, потом какое-нибудь МГИМО, потом организуют ей приличную квартиру и подберут жениха из хорошей семьи... «Как же это мелко! Крохи какие-то», – сокрушались Михаил Петрович и Раиса Львовна.

Но тут задули новые ветра. Сначала они были похожи на сквозняки, не особо заметные, но с большими последствиями. Разрешили создавать кооперативы, громче критиковать прежние порядки и в целом был объявлен новый курс – на Перестройку, что бы это ни значило.

Михаил Петрович вырос в деревне и крестьянским умом понимал, что если дом стоит крепко и надежно держит тепло, то никто его не перестраивает. Разве что деревенский дурачок на такое замахнется. Выдернешь один брус, и все покосится. Перестраивать – только портить. Другое дело, если дом разваливается. Тогда его рушат, а на его месте строят новый. Поэтому за словами о Перестройке Михаил Петрович чутьем опытного партийного аппаратчика угадывал начало большого слома. И боялся проспать момент, когда нужно будет выскакивать, чтобы не попасть под завалы. Хорошо бы выскочить не с пустыми руками, прихватить что-нибудь повесомее.

Раиса Львовна, видя, что с мужем что-то происходит, старалась, как могла, его поддерживать. Даже чай заваривала только из заряженной воды. Для этого к телевизору был придвинут журнальный столик, весь заставленный трехлитровыми банками. Периодически на экране появлялся целитель, он делал плавные пассы руками, и благотворная сила, как рентгеновские лучи, лилась с голубого экрана и пронизывала все, что стояло рядом.

Раиса Львовна тоже пыталась попасть под этот поток. Ей хотелось расстаться с сединой, которая появилась очень рано, что было свойственно женщинам их рода. Но она, как самоотверженная жена, старалась не заслонять собою банки. Банки были важнее, из них поили Михаила Петровича. Наверное, из-за неправильного положения ее тучного тела, набекрень нависающего над банками, Раиса Львовна так и не стала прежней шатенкой. Но, как говорится, сама виновата. К целителю претензий не было.

Потом ветер перемен перерос в шквальный ураган, снесший советские флаги напрочь. Наступили времена глобальных изменений. Случилась «революция наоборот», то есть в авральном режиме начали формировать буржуазию. И пока народ офигевал от новых слов типа «ваучер» и «паевой фонд», ушлые и быстрые, энергичные и азартные осваивали новые возможности. Национальные элиты зубами рвали географические просторы страны, до кровавых мозолей на губах повторяя слово «независимость». Как грибы, росли банки и банды, акционерные общества и общества с очень ограниченной ответственностью.

Проезжая по улицам Москвы, Юля видела людей, стоящих в очередях. Она спрашивала у водителя, молодого парня, который развозил ее по кружкам:

- Саша, зачем тут люди стоят?
- За свежими газетами, – мрачно пояснял он.
- А зачем им газеты?
- Думают там правду узнать, – усмехался он.
- Какую правду?
- Смотря какую газету купишь, такую правду и узнаешь.

Юля не понимала его слов. Потом, спустя годы, вспомнила о нем, на волне ностальгического настроения хотела найти этого, как выяснилось, неглупого человека, да не смогла. Саша ушел на вторую чеченскую, там и сгинул. Видимо, он все-таки нашел свою правду.

А дома все закрутилось, загудело, как в рассерженном улье. Михаил Петрович кожей чувствовал, что окно возможностей, которое открылось перед ним, скоро схлопнется. Надо успеть! Он почти не бывал дома, а забегая, хватал еду крупными кусками, как овчарка. Торопился. Жесты его стали размашистыми, весь он стал дерганным и возбужденным. Даже нижнее веко иногда мелко-мелко подрагивало, как стрелка у сломанных часов.

Раиса Львовна все понимала и проявляла терпение. Она видела, что муж ввязался в большую игру с крупным призовым фондом, и поддерживала его изо всех сил.

А чем она могла ему помочь? Обеспечить надежный тыл и презентабельный фасад их семьи, чтобы, когда они с Михаилом Петровичем выходили куда-то вместе, в атмосфере неуло-

вимым облаком повисала догадка, что они, как говорила их домработница Сима, «ну чисто из бывших графьев».

Стало быть, внешний вид Раисы Львовны имел огромное значение, далеко выходящее за рамки обычного женского тщеславия. Ее элегантность и чувство стиля должны были соответствовать претензиям на большой кусок общественного пирога.

Проблема состояла в том, что Раиса Львовна не обладала ни природным изяществом, ни воспитанным вкусом. Ее довольно массивная фигура, словно вырубленная размашистыми ударами топора, была напрочь лишена изысканности. Такой тип фигуры назывался «треугольник перевернутый», что вполне соответствовало картинке. Высокая грудь, мосластые плечи и плоский, узкий зад не вписывались ни в одно готовое платье. Надеть-то его Раиса Львовна могла, но, глянув в зеркало, тут же спешила снять. Самые дорогие брендовые вещи смотрелись на ней как на корове седло. По мнению все той же Симы, Раиса Львовна выглядела в дорогих нарядах категорически неожиданно, «ну чисто как бомж с веером». И хотя Сима помалкивала, делясь крамольными мыслями только с кухаркой, у Раисы Львовны хватало ума не являть себя народу в таком виде.

Единственным выходом был индивидуальный пошив. Раиса Львовна предпочитала шить на заказ, по персональным меркам. И выходило, кстати, дешевле.

Путем проб и ошибок, испортив кучу недешевых отрезов и невозстановимых нервов, Раиса Львовна нашла швею Таю, молодую женщину лет тридцати. И только ей доверяла свои лучшие наряды. Раиса Львовна могла поделиться с подругами телефоном стоматолога, косметолога и даже гинеколога, но никогда и никому не передавала телефон Таи. Она была ее личным сокровищем. Брильянтом в коллекции полезных контактов.

У Таи было много достоинств. Она шила быстро, аккуратно и брала недорого. Потрясающе точно оценивая возможности ткани, Тая катастрофически ошибалась с оценкой своего мастерства.

Раиса Львовна изо всех сил укрепляла ее в этом заблуждении. Заказчица каждый раз хмурилась, как будто была не вполне довольна результатом, и расплачивалась с лицом, на котором читалось «так уж и быть». Тая опускала глаза, словно извиняясь, и молча забирала деньги.

Нет, Тая не была забитой скромницей. В других уголках вселенной – в поликлинике, на рынке, в домоуправлении – она могла постоять за себя. Но в хоромах семьи Одинокowych Тая терялась, скукоживалась, кожей чувствуя их право повелевать. На улице она была пешеходом, в кинотеатре зрителем, а в квартире Одинокowych Тая была прислугой. Челядью. И чувствовала себя соответственно.

В один памятный вечер Михаил Петрович пришел домой, светясь слишком откровенно. Он, вальсируя, прошелся по коридору, подхватил Раечку и, держа ее в плену танца, сообщил звенящим от радости голосом:

– Сделка практически заключена! В понедельник подписываем договор!

Раиса Львовна не понимала, о чем идет речь, но обрадовалась не меньше мужа. Она, как Луна, светила отраженным светом.

– А для укрепления, так сказать, отношений с будущими партнерами нас пригласили в одно потрясающее место, – ликовал Михаил Петрович, продолжая утюжить пол в ритме вальса. – За городом, вдали от всей этой нервотрепки... Выезжаем в субботу ближе к вечеру, сначала ужин в ресторане, а потом, кто хочет, – бассейн, банька... Ночуем, как мне обещали, в царских номерах... И в воскресенье – та-да-да-дам! – главное событие. Завтрак с человеком оттуда! – Он поднял палец вверх и так многозначительно закатил глаза, что под водянисто-серой радужкой блеснули отдающие желтизной белки.

«Надо бы его врачу показать», – мелькнуло у Раисы Львовны. Но виду не показала. Нельзя омрачать радость дня.

– А почему завтрак? – удивилась жена.

– Потому что на обед с таким человеком мы еще не заработали. Не в смысле денег, в смысле авторитета. Скажи спасибо, что на завтрак согласился. – Михаил Петрович продолжал, вальсируя, таскать жену по паркету.

Раиса Львовна подумала с тревогой, что они могут сбить китайскую вазу, стоящую в углу. Но обошлось.

– Форма одежды парадная! Степень парадности максимальная! – Михаил Петрович отдал приказ, отпустил раскрасневшуюся жену и отбыл в спальню.

А Раисе Львовне было не до сна. Она пошла в гардеробную. Целый час она перебирала наряды и поняла, что ей решительно нечего надеть. Все уже засвечено на людях. Нужно что-то новое, умопомрачительное в своей элегантности. К тому же большая часть нарядов и по цвету, и по фасону не рассчитана на лето. А за окном догуливает последние дни август, перемежая теплый ветер с грибными дождями. Нужен летний наряд, достойный обложек журналов.

При этом на ужин и завтрак не стоит брать два разных наряда. Это будет смотреться как-то вычурно, неуместно. Как будто ей больше негде выгуливать свои платья. Нужно продемонстрировать сдержанное достоинство. И даже легкую небрежность, типа, и не такие приемы видали. Одного наряда достаточно. Но это должно быть что-то изысканное, стильное.

С этими мыслями Раиса Львовна выдвинула ящик комода и достала отрез ткани. Сколько раз она любовалась малахитовым мерцанием этой удивительной материи, сколько раз гладила ее подрагивающей от восторга рукой. Отец привел отрез из Германии весной сорок пятого как трофей, подарок солдата-победителя своей семье. Мать не пошла, сберегла для дочери. Пережив войну, холод, голод и страх черных воронок, будучи убежденной коммунисткой, мать черпала силы в мечтах о грядущем, неизбежном и закономерном счастье будущих поколений, когда всего и всем будет хватать. Но на всякий пожарный случай материю берегла. Чутье подсказывало, что такого чуда германской мануфактуры при коммунизме может и не быть. Закрывала глаза и представляла, как будет счастлива дочь, получив такой подарок.

Долгие годы ткань ждала своего часа. Периодически Раиса Львовна доставала ее, разворачивала, любовалась и... убирала назад в комод. До сих пор не находилось достойного повода, чтобы раскроить восхитительную материю, превратить в наряд.

Вспоминая вальсирующего мужа, Раиса Львовна поняла, что час пробил. Судьба ткани предрешена.

Даже не взглянув на часы, показывающие почти полночь, Раиса Львовна набрала номер:

– Таечка? Да-да, это я. Завтра с утра срочно ко мне, – тоном, не допускающим возражения, сказала Раиса Львовна. – Есть работа. Срочная.

После этого она пошла спать в полной уверенности, что все будет хорошо. Материя великолепна. Это вам не турецкий завоз. К тому же это так символично, что даже мурашки по коже. Ткань, которую отец привез из Берлина, станет свидетелем новых побед. Отец победил фашистов, а они с мужем... На этой трудной мысли она споткнулась. Все так перемешалось, что и не поймешь, кого они победили. Ну и ладно. Главное – хорошо выспаться, чтобы завтра с Тасей придумать сногшибательный фасон.

А уж Тая не подведет. На этот раз можно заплатить ей даже больше, чем обычно.

Новое платье

С утра Раиса Львовна проводила мужа на работу и погрузилась в мысли о наряде. Подумала, что к этой ткани подойдут серьги с хризопразом. Камень хоть и полудрагоценный, но выглядит эффектно, словно подсвечен изнутри мягким зеленым огнем. А на руку можно браслет из нефрита. Да, бриллианты оставим дома. Тут надо что-то более сочное, летнее. И даже массивное.

К тому же, перемолвившись с мужем за завтраком на тему предстоящей сделки, Раиса Львовна поняла, что продавать будут какие-то рудники где-то на Урале. Стало быть, образ Хозяйки Медной горы будет весьма кстати. Она тяготела к символизму.

Звонок в дверь поставил точку на мечтах. Пришло время действий.

На пороге стояла Тая, миловидная, невысокая молодая женщина. В ней всего было в меру – и объема, и красок, и звуков. Про таких говорят «складная». Это в очередной раз неприятно укололо хозяйку с ее нестандартными габаритами. Единственное, что в Тае было через край, так это глаза, большие, выразительные, в которых детская беззащитность странным образом сочеталась с яростным счетом к жизни.

– Доброе утро, Таечка! – поприветствовала Раиса Львовна. – Кофе не предлагаю, поскольку работа очень срочная. Сегодня у нас что?

– Четверг, – с готовностью ответила Тая.

– Вот именно, – как будто уличила ее хозяйка. – А к субботе мне нужен новый наряд. Сногшибательный. Сейчас принесу ткань, сама все поймешь.

Тая повесила плащ, слегка окропленный слепым летним дождем, и пошла в комнату, где обычно проходила примерка. Садиться не стала, ждала стоя.

Раиса Львовна вынесла пакет как-то особенно торжественно, с загадочной полуулыбкой на губах.

– Такой ткани ты не видела, – таинственно начала хозяйка. – Этот отрез пролежал полвека, почти музейная вещь. Немецкое качество, сама видишь.

У Таи внутри что-то дернулось, потянуло тревогой, словно звякнул проржавелый колокольчик. Она отвернула край и восхищенно погладила полотно, ластящееся к ее руке. Цвет ближе к изумрудному, но с явным тяготением к малахитовому. И легкая серая нотка, что добавляет оттенок цвета, называемого «лягушка в обмороке». Ткань однотонная, без рисунка, но цвет не простоватый, не открытый, а глубокий, сложный, как бы в меру приглушенный. Тая называла такие цвета пропыленными и очень ценила их за деликатность.

Но поверх восторга Тая опытным глазом отмечала про себя: явный хлопок, что-то между маркизетом и поплином. Да, вот и характерный мелкий рубчик, как у поплина. Однако ж переплетение нитей не полотняное, скорее сатиновое, когда на четыре уточных нити приходится одна основная, долевая нить. Но не сатин, нет характерной гладкости и блеска. Словом, так с ходу и не определишь, что за ткань. В современные рамки ее не втиснуть.

– Что вы хотите? – спросила Тая, по опыту зная, что не получит вразумительного ответа.

– Что-то сногшибательное! – Голос хозяйки взмыл в облака. – Чтобы все смотрели и глаз не могли оторвать.

– Ясно. – Тая достала из сумочки блокнот, карандаш и вместо слов начала рисовать.

Она делала набросок резкими, рваными линиями, обозначая замысел нарочито твердо и выпукло. Ее стеснение улетучивалось с каждым взмахом карандаша.

– Предлагаю сделать акцент на сложном крое. Лиф сделаем простым, вся изюминка будет в вытачках, – бегло, словно не поспевая за фантазией, говорила Тая. – Уведем их не в плечевой шов и пройму, как обычно, а к горловине и в боковой шов. Рукав пустим нешироким колоколом, до локтя. И обязательно баску, она придаст объем сзади и легкую игривость, лето все же... Сзади баску удлиним, причем ошутимо, по центру спины... – Тая отстранилась от рисунка, еще раз оглядела его и заключила. – Да, так будет хорошо.

Раиса Львовна не сомневалась. Еще ни разу вкус не подводил Таю. Тем более что она знала фигуру заказчицы вдоль и поперек.

– Все мерки у меня есть, я быстро раскрою, сметаю и вечером будет первая примерка. Вам удобно будет часов в пять? – спросила она, вновь перейдя в просительный регистр.

Как только Тая выпадала из мира творчества, суровая правда жизни подрезала ей крылья. Она – полунищая портниха, которую руки кормят. А Раиса Львовна – птица высокого

полета. Тут даже говорить не о чем. Муж в бизнесе, положение в обществе, деньги в банке совместными усилиями создавали вокруг нее непробиваемый кокон счастья. А у Таи ни мужа, ни денег, ни московской прописки. Приезжая нищета.

Договорившись о примерке, Раиса Львовна отпустила Тая трудиться над новым платьем. Вдогонку она отсыпала ей пригоршню шоколадных конфет как аванс будущей благодарности.

Ничто не предвещало сложностей, все шло в штатном режиме. Однако буквально через час телефонная трель разрушила весь этот благостный план.

– Раиса Львовна, простите, что беспокою, но тут такое дело... – Голос Таи выдавал сильнейшее волнение. – Ткани не хватает. Нужно менять фасон.

– Как это? – опешила заказчица. – Там же вполне приличный отрез.

– Да, конечно, – спешно согласилась Тая. – Но мы с вами придумали не вполне стандартный крой, и баска съедает много ткани. – Тая как будто оправдывалась за прожорливую баску.

– Ничего не понимаю, – недовольство сквозило в голосе заказчицы. – Что ты мне голову морочишь? Приходи и покажи, что у тебя там не получается. Решим на месте. Отбой! – Длинные гудки подтвердили, что разговор действительно закончен.

Через час запыхавшаяся Тая уже звонила в дверь.

На этот раз Раиса Львовна не удостоила ее приветствия, приступив сразу к делу. Со стола была убрана хрустальная ваза, и на его полированную поверхность, как скатерть, легла немецкая ткань. Стол был выдающихся размеров, рассчитанный на двенадцать персон. Ткань помещилась целиком, не свисая по краям.

Тая начала аккуратно раскладывать поверх материи полупрозрачные выкройки из кальки и закреплять их портновскими булавками. Последние выкройки отчетливо не помещались на полотне.

– Видите? – Она огорченно развела руками.

– Что я должна видеть? – с раздражением переспросила Раиса Львовна. – Тут же слона разместить можно, если все хорошенько сдвинуть. Смотри, какие пустоты.

И она начала нервно отцеплять булавки и показывать, как можно сэкономить место, чтобы разместить все выкройки. Она сдвигала лекала, крутила вправо-влево, стараясь не оставлять свободных зазоров.

– Ой! – пискнула Тая. – Так нельзя!

– В чем дело? – недовольно переспросила хозяйка.

– Кроят строго по долевой нити, – сказала Тая, смущаясь, что вынуждена перечить Раисе Львовне, и с извинительной интонацией продолжила: – Это главная нить, она задает направление кроя. Очень сожалею, но мы не можем произвольно размещать выкройки.

– Что за глупость?

– Они должны ложиться строго по долевой нити, которая идет параллельно кромке. К примеру, для полочки допустимое отклонение от долевой нити всего один процент. Если длина полочки около метра, то долевая по низу может отклониться от вертикали выкройки максимум на один сантиметр с каждой стороны, не больше. – Тая сама удивилась, с какой смелостью прочитала лекцию самой Раисе Львовне.

– Ты меня жизни не учи! – В воздухе запахло грозой.

– Раиса Львовна, я не учу, но так неправильно...

– Мне нужно не правильно, а быстро и красиво, – сказала, как отрезала, хозяйка. – Делай, что тебе говорят.

«Ткань, она и есть ткань, – рассуждала Раиса Львовна, пытаясь заглушить смутное чувство тревоги. – Ткань без орнамента, без рисунка, без ворса, нечего тут мудрить. Каждая козявка из себя академика корчит, цену себе набивает. Чего только не придумают, чтобы материи побольше потратить».

Раиса Львовна была не столько глупа, сколько упряма. Признать правоту какой-то портняжки было выше ее сил. Пусть эта Тая спустится с небес на землю и вспомнит, кто тут главный. Да, решение Раисы Львовны нестандартное, но вполне разумное в ситуации, когда душа уже примерилась к выбранному фасону и мысленно впихнула в него брненное тело. С какой это стати она должна отказываться от баски, от всех этих милых сердцу деталей? В конце концов, это платье нужно на один выход. Все эти долевы нити – правило для нищевых, которые носят одно платье годами. Тогда, возможно, это и важно. А уж для одного эффектного выхода разницы нет, хоть вдоль выкройки положи, хоть поперек.

Она решительно вклинила баску, раздвинув полочки под еще большим углом, и тоном, не терпящим возражения, сказала:

– Все! Прения закончены.

– Прошу вас, давайте изменим фасон, нам хватит ткани, если сделать юбку-годе.

– Шей, как я сказала.

Тая вздохнула, опустила взгляд, закусила губу и больше не проронила ни слова.

К вечеру на живую сшитое платье уже примерялось на довольную Раису Львовну. Как же оно ей шло! Даже в таком незаконченном виде было ясно, что лучшего способа распорядиться отрезом не существовало. Все-таки Тая была мастером своего дела.

Особенно радовала баска. Раиса Львовна не могла налюбоваться на превращение своего уныло-плоского зада в пикантную холмистость волнообразных складок.

– Долевая нить, говоришь? А вот это видела? – Она, как девочка, закружилась перед зеркалом. Баска приподнялась в подобие балетной пачки. – Разве это не восторг? А ведь послушай я тебя, ничего этого не было бы, – назидательно говорила она. – То-то!

Тая не отвечала. Она держала губами иголки, которыми подгоняла платье по фигуре. Но упрямый блеск глаз выдавал, что она молчала бы и без иголок во рту.

В субботу утром Тая привезла готовое платье. Оно радостно колыхалось под полиэтиленовым чехлом и удивительно гармонировало с лицом Таи бледно-зеленоватого оттенка. То ли от переутомления, то ли от расстройства портниха выглядела как живой покойник.

Раиса Львовна не стала сокращать плату за проявленную строптивость и милостиво заплатила полную сумму. Но от премиальных воздержалась. Все-таки рассказ про долевы нити оставил в ее душе неприятный осадок дерзкого неповиновения.

Не успела Раиса Львовна закрыть за Таей дверь, как Михаил Петрович крикнул из своего кабинета:

– Все! Полная готовность через пятнадцать минут. Саша у подъезда уже ждет. Пора ехать.

– Да, Мишенька, у меня сумка уже собрана.

– Какая сумка?

– Ну сменная одежда на всякий случай, тапочки, всего по мелочи.

– Ты с ума сошла? Не хватало еще туда с баулами, как челноки, ехать. Халат для сауны, тапочки – все дадут. Там сервис уровня Бог. Не позорь меня. С сумкой она собралась... Максим дамская сумочка, которую я тебе на день рождения подарил.

– От Шанель?

– От Шанель и от меня лично, – засмеялся муж. Он был в прекрасном настроении, как игрок, которому осталось сделать последний ход, чтобы выиграть окончательно и бесповоротно.

Раиса Львовна облачилась в новое платье, подошла к зеркалу и внутри нее все завибрировало от восторга. «Хороша Хозяйка Медной горы!» – оценила она себя. Серьги, браслет, сумочка, как последние штрихи, довершили дело.

Михаил Петрович даже присвистнул, увидев жену в новом образе, но на восторги и комплименты времени не оставалось. Он выразительно постучал по циферблату дорогих часов.

Им пора. Он ехал за главным призом своей карьеры. А душа его супруги сладостно замирала от предвкушения неизбежного фурора.

И Раиса Львовна произвела его. Правда, не так, как мечталось.

Дождь

Машина въехала в широкие ворота, за которыми начинался другой мир. Даже звуки шин стали более деликатными, бархатисто-шуршащими. Так звучала тихая роскошь.

Водитель аккуратно припарковался у белого здания, словно срисованного с обложки романа «Дворянское гнездо». По фасаду шли колонны и балюстрада, всюду стояли вазоны с цветами, подобранными в цвет российского триколора.

Едва супруги Одинокovy вышли из машины, как навстречу к ним по широкой лестнице устремилась девушка, внешностью и манерами соответствующая уровню окружающего их великолепия. Она улыбалась вышколенной улыбкой православной гейши.

– Добрый день, меня зовут Регина, – девушка с ходу начала создавать ауру гостеприимства. – Рада приветствовать вас в нашей резиденции. Надеюсь, вам здесь понравится. Разрешите показать ваш номер. – И она, как породистая лошадка, поцокала по лестнице вверх.

Раиса Львовна удивилась, как лихо ее муж вознесся по этой лестнице следом за Региной. Жена же шла неторопливо, ища глазами зрителей своего появления в сногшибательном платье. Но, похоже, ее никто не видел. Фурор откладывался.

Регина довела чету Одинокovy до двери на втором этаже и голосом агента по продаже элитной недвижимости сообщила:

– Окна вашего номера выходят в сад, где вас может потревожить только пение птиц и шум падающих яблок.

Михаил Петрович восхищенно и шумно вздохнул. «Скачет по лестнице, как молодой, а потом дышит тяжело», – заволновалась супруга.

– Ужин будет проходить в соседнем здании в двадцать часов. Вы сами сориентируетесь или вас проводить?

– Будем весьма признательны, – ответил Михаил Петрович.

Раиса Львовна хотела напомнить мужу, что у него разряд по спортивному ориентированию и соседнее здание он как-нибудь найдет без посторонней помощи.

Тем временем Регина продолжала эскалацию душевной щедрости:

– С любой просьбой незамедлительно обращайтесь ко мне, я ваш личный консьерж.

– Непременно обратимся, – Раиса Львовна бесцеремонно перехватила ключ из рук Регины и дала понять, что той пора.

Вошли. И ахнули. Номер был настолько великолепен, что только цокающие каблукy уходящей Регины напоминали о том, что все происходит наяву, в России 90-х, где экономика сворачивается в колобок, который, набирая скорость, катится навстречу лисе.

– Чувствуешь уровень полета? – спросил супруг. – То ли еще будет!

Раиса Львовна упала на кровать, словно погрузилась в облако, и застонала от наслаждения. Ей не хотелось никуда идти. Вот так бы лежать вечно, ловя радость каждой клеточкой благодарного тела. Но она помнила, что находится почти на работе, при исполнении. Супружеский долг превыше всего. Пришлось встать, чтобы не помять новое платье.

Очень скоро за ними пришла Регина и отвела на ужин. Там было много официантов и мало гостей. Было вкусно и довольно скучно. Раиса Львовна понимала, что всю энергию, все остроумие гости приберегают для завтрака с персоной, которая должна спуститься с номенклатурных небес. Деловые люди копили силы для решающего броска.

При мужчинах, как и положено по протоколу, были жены. Раиса Львовна моментально просканировала их наряды и поняла, что безоговорочно победила. Ее платье из трофейного

отреза отправляло все их заграничные бренды в нокаут. Лучшим тому доказательством служили ядовитые взгляды, которые, замирая от счастья, ловила на себе Раиса Львовна.

Наконец ужин подошел к концу. Все обрадовались и даже слегка оживились. Вышли на крыльцо.

– Господа, дождь, – сообщил сопровождающий их распорядитель. – Сейчас всем принесут зонты.

– У москвичей это называется дождем? – смело шагнул вперед мужчина с Урала. – Моросит по-детски. У нас в такую погоду даже женщины зонты не открывают.

Московские мужчины приняли это как вызов. Все-таки они слегка выпили, а значит, пришло время подвигов. Выпили мало, поэтому геройства хватило только на демонстративное равнодушие к осадкам. Они смело побрели в свои номера, доказывая, что москвичи в воде не тонут.

Женщины остались под навесом. Они благоразумно берегли платья, прически и здоровье.

Раиса Львовна осталась в женском лагере, ожидая, когда им выдадут зонтики. Острым взглядом она провожала мужа, переживая за его радикулит, который все чаще напоминал о себе при любом переохлаждении. И хорошо, что не спускала с него глаз. Иначе могла пропустить сущее безобразие. Навстречу Михаилу Петровичу по лестнице, как горная лань, сбегала Регина с раскрытым зонтом. Ее намерения спасти, обогреть чужого мокрого мужа не вызвали сомнений.

Раиса Львовна опрометью кинулась за своим Мишей. В этот момент дождь ливанул с такой силой, словно на небе кто-то только и ждал ее выхода, чтобы дернуть за веревочку и перевернуть ушат воды. В один миг она стала совершенно мокрой и, поравнявшись с мужем, вынудила Регину обратить всю заботу в свой адрес.

До корпуса они двигались странной кавалькадой. Впереди всех бежала Раиса Львовна, стуча зубами и проклиная сервис с личным консьержем. Следом еле поспевала Регина, держа раскрытый зонт над Раисой Львовной, на которой уже не было ни одной сухой нитки. А на плечи мокнувшей Регины Михаил Петрович пытался водрузить свой пиджак. Пиджак соскальзывал, поскольку рука Регины задиралась из-за зонта, и Михаил Петрович вынужден был придерживать пиджак путем легкого объятия.

Добежав до спасительного навеса, все выдохнули. Регина убрала зонт, Михаил Петрович резво сдернул пиджак, а Раиса Львовна растерянно оглядела лужу, собирающуюся у ее ног.

– Боже, какой ужас, – прошептала она.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – пришла на помощь Регина. – В номере есть махровые халаты. Переоденьтесь, а мокрую одежду отдайте мне, я приведу ее в порядок.

– Успеет высохнуть? – Раису Львовну трясло то ли от холода, то ли от волнения.

– Несомненно.

– Но ведь такая сырость кругом...

– В финской сауне сухой жар. Конечно, высохнет. – Регина слегка повернула голову к Михаилу Петровичу и зачем-то повторила, слегка растягивая слова и добавляя пикантной хрипотцы. – Там очень жарко. Очень.

– Слава богу, – облегченно выдохнула Раиса Львовна.

Чета Одинокowych зашла в номер, а Регина осталась ждать в коридоре. Раиса Львовна стянула с себя мокрое платье и с наслаждением облачилась в роскошный халат, который был мягкий, просторный, а главное, сухой. Муж тоже переоделся в отельный халат и потуже затянул пояс, чтобы не так заметно выпирал живот.

Мокрую одежду сложили в два пакета. Раиса Львовна хотела просто выставить их в коридор, но Михаил Петрович вызвался лично передать их Регине и тщательно проконтролировать процесс сушки. Мало ли что. Вдруг Регина по неопытности перепутает финскую сауну с русской парной. Что тогда? Он этого не допустит.

Благодарная супруга легла в горячую ванну, а потом, лишь коснувшись постели, забылась сном счастливого человека, у которого нет никаких проблем. Потому что если они и возникают, то специально обученные люди их решают. Хорошо, что муж держит все под контролем и ей не о чем волноваться.

Во сне Раиса Львовна слышала, как сбоку укладывается Михаил, и промычала что-то вопросительное.

– Спи, высушили твоё платье, – бодро ответил супруг. Голос его был совсем не сонный.

Как и обещала Регина, за окном задорно запела первая утренняя птаха. Но тут же замолчала, видимо, сбита с ветки падающим яблоком.

Фиаско

Утром Раиса Львовна проснулась в прекрасном настроении. За окном накрапывал дождь, который по сравнению со вчерашним ливнем можно было не замечать. Капли падали на подоконник, как нотки успокоительной мелодии. Раиса наслаждалась покоем и размышляла, как удачно она вышла замуж, хотя никогда не была красавицей. Все-таки человек предполагает, а Бог располагает. Вот он и распорядился отсыпать ей счастье полной мерой. С нежностью она приобняла супруга и зарылась лицом в его плечо. Тот, почувствовал тычок ее полноформатного носа, попытался отвернуться, но жена крепко держала его в своих объятиях. Пришлось просыпаться.

Как только муж открыл глаза, Раиса Львовна сразу вернулась в реальность, главным гвоздем которой был ее наряд.

– Платье, – супруга начала с главного. – Где мое платье? Оно точно высохло?

– Точно, – как-то неуверенно ответил Михаил Петрович.

– И где оно?

Муж обвел глазами номер.

– Его тут нет.

– Я вижу. Кстати, твои штаны с рубашкой тоже отсутствуют.

Это известие мгновенно привело Михаила Петровича в чувство, он резво подскочил и кинулся к телефону:

– Але! Регина! А где мои рыцарские доспехи? – он как-то по-свойски хихикнул. – Через час назначен турнир, а я еще, так сказать, не облачен. Если опоздаю, мне засчитают техническое поражение, а я привык быть победителем. – Опять этот неуместный хвастливый смешок.

– Одежда где? – гаркнула в трубку Раиса Львовна, которой надоело слушать голос мужа, странно смахивающий на воркование голубя.

На том конце зажурчала речь, которую Михаил Петрович кратко перевел жене:

– Отглаживают. Скоро принесут.

Муж в прекрасном расположении духа ушел в ванную комнату. А жена, пользуясь его отсутствием, лежа на спине, подняла заголившиеся ноги и усердно потрясла ими, чтобы кровь отхлынула от ступней и лодыжки стали стройнее. Она волновалась. Ей предстоял королевский выход.

И если уж Михаил непонятно с какого перепуга вдруг вспомнил о рыцарском турнире, то тут не обойтись без прекрасной дамы. Судя по вчерашнему осмотру прочих жен, других претендентов на эту вакансию не наблюдалось. Раиса Львовна примеряла эту роль на себя, когда в дверь постучали.

На пороге стояла Регина. В одной руке она держала плечики, на которых был собран костюм Михаила Петровича, включая белоснежную рубашку и пепельный, с легкой искрой галстук. На второй руке, слегка спрятавшись за костюмом, повис полупрозрачный чехол, в котором угадывалось что-то зеленое.

– Наконец-то, – буркнула Раиса Львовна.

Регина напоминала испуганного суслика, который очень хочет убежать, но от страха не может пошевелиться.

– Давайте, – Раиса Львовна сгребла у нее одежду. – У вас все нормально? Вы плохо выглядите.

– Все нормально, – с похоронной интонацией ответила Регина. – Девочки погладили, они старались, как могли...

Раиса Львовна решила, что Регина вымогает чаевые. Наглость она не поощряла.

– Всего хорошего. – Дверь закрылась.

Регина неуверенно перекрестилась и пошла, покачиваясь, по коридору.

В это время Михаил Петрович вышел из ванной и отдал приказ:

– Полная готовность через пятнадцать минут. – Он всегда ориентировался только на себя.

Раиса Львовна опрометью кинулась наводить марафет. Чуть было не перепутала лифтинг-крем с кремом от радикулита, который всегда был в ее сумочке. Подвела стрелки в уголках глаз, слегка отретушировала подводку и в очередной раз поблагодарила природу за возможность обходиться почти без макияжа. Ее природные краски еще не поблекли. «Для завтрака нужна естественность», – похвалила она себя.

– Через пять минут выдвигаемся, – поторопил муж, поправляя перед зеркалом галстук.

– Все, я почти готова. Только платье надену...

С этими словами она метнулась к шкафу, вытащила пакет, принесенный Региной, и извлекла драгоценное содержимое. Чтобы не отсвечивать телесами, давно потерявшими былую привлекательность, шмыгнула в ванную и торопливо начала натягивать платье. Звук застегиваемой молнии поставил точку в этом нехитром деле.

– Ты готова? – нетерпеливо забарабанил по двери муж. – Мы уже опаздываем, вечно тебя придется ждать.

Раиса Львовна торопливо вдела в уши сережки, одним движением всунула руку в браслет и, не успев даже глянуть в зеркало, поспешила на выход. В последний момент она, как взбрыкивающая лошадь, подергала плечами, разгоняя странное ощущение чужеродности платья. Прежде оно деликатно облегало, не причиняя никакого дискомфорта, ласково повторяя изгибы ее тела. Сейчас ощущение было иным. Как будто она то ли поправилась, то ли похудела, то ли покривела за ночь.

– Это все нервы, – ободрила себя Раиса Львовна и вышла к мужу. – Я готова.

Михаил Петрович повернулся к ней, и глаза его расширились. От избытка чувств он сказал краткое:

– Твою ж мать!

Что-то в его облике испугало Раису Львовну. И она не обманулась.

– На кого ты похожа? – заорал Михаил Петрович. – Ты в зеркало смотрела на себя?

Бедная супруга бросилась к зеркалу и даже не сразу поняла, что не так. Вот она, Раиса Львовна, ее лицо, плотно посаженное на широкую шею, ее мослатые руки-ноги. А вот платье – зеленая ткань ничуть не пострадала от дождя. Те же приятные отливы, мягкая драпировка. Но случился какой-то кошмар. Одна грудь, зажатая выточками, вывернута куда-то вбок, другая, подпираемая закрученным боковым швом, задорно целится вверх. Рукава вихрились винтом, а задняя баска перекосилась так, что вся пышнозадость досталась только одной половине. Платье взбунтовалось и, как буйный помешанный, издевательски хохотало над ней. Это было хуже, чем ужасно. Это было полное, безоговорочное фиаско.

– Иди без меня, – закрыв лицо руками, зарыдала Раиса Львовна.

– Идиотка! – завопил Михаил Петрович. – Куда я без тебя? Как я без тебя продемонстрирую, что я нормальный семьянин? Меня же на смотрины вызвали! Если человек не может управиться с семьей, как ему можно доверить рудники? Хочешь, чтобы меня прокатали? Ты

понимаешь, что стоит на кону? Сейчас все решится. Господи, почему я не вдовец? – задал он риторический вопрос.

– Что же делать, Мишенька? – жалобно пискнула Раиса Львовна.

– У тебя есть во что переодеться? – рыкнул муж.

– Ты же запретил мне баул брать, только сумочка от Шанель.

– Твою ж мать! – повторил муж. – Пошли! Прошмыгнем и сядем. И чтоб не вставать!

Даже в туалет лучше под себя ходить, чем в таком виде перед людьми позориться. На грудь салфетку положишь.

– Я не виновата...

– Потом! Потом будем разбираться, кто ответит за это безобразие, я так это не оставлю.

– В голосе отчетливо звучала угроза.

– Может, лучше я все-таки останусь?

Михаил Петрович издал такой мощный рык, что Раиса Львовна поняла, ей не отвертеться.

Умывшись и припорошив лицо пудрой, опухшая от слез, вся в нервных красных пятнах, Раиса Львовна пошла на завтрак, прячась за спиной мужа. Дождь прекратился, но все вокруг было серое, мокрое, мрачное. Природа проявляла тактичную солидарность.

– Улыбайся! – злобно шипел Михаил Петрович.

И она улыбалась жалкой улыбкой Коломбины, мечтающей стать невидимой.

Первое подобие избавления она ощутила, когда достигла стула. Плонулась на него и максимально придвинулась к столу. Грудь замаскировала салфеткой, локти прочно прижала к бокам. Чуть-чуть сползла на стуле, чтобы еще больше утрамбовать себя под стол.

– Ничего! – шипел муж. – Кажись, проскочили. Меня так просто из седла не выбить! Ешь! – Он придвинул в ней тарелку с салатом.

Раиса Львовна не могла есть. Не могла смотреть на людей. Не могла слушать разговоры собравшихся. Она могла только пропускать через себя секунды и молиться, чтобы все поскорее закончилось. Вокруг плыли возбужденные голоса. Мужчины состязались в остроумии, женщины деликатно поддерживали их бархатистым смехом. Звенел хрусталь бокалов, благородно позвякивали серебряные приборы, гул всеобщего оживления окутывал собрание избранных.

Раиса Львовна смотрела только в свою тарелку, гоняла по ней одинокую оливу, чтобы чем-то занять трясущиеся руки.

В это время самый главный гость, ради которого все и затевалось, скучая, рассматривал собравшихся. Он понимал, что это деловая элита новой страны. Другой нет. Придется работать с этим материалом. Особенно раздражали жены. У всех был такой вид, будто они потомки дворян. Смешно и грустно смотреть, как вчерашние комсомолки изображают скромное обаяние буржуазии. Он усмехнулся и попытался вникнуть в беседу, которую ему навязал настырный мужик, нацелившийся на уральские рудники.

– ...вот я и говорю: если изменить систему оплаты...

«Как скучно», – думал посланец сверху.

– ...варяги из Москвы должны возродить величие Урала... – напирал мужик.

«Да сколько можно меня агитировать? Все уже решено в твою пользу, успокойся. Все такие нетерпеливые стали. На днях ему официально сообщат, что он царь горы», – думал собеседник, подавляя зевоту. Наконец, ему все до того осточертело, что он решил поменять тему. Он окинул взором зал, везде все было одинаково парадно, оптимистично, тошнотворно. Не за что зацепиться. Впрочем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.